

Глава 4. Для тебя со всей теплой.

Поскольку Общая Голосовая Передача транслировалась через всех духов в Империи, то заявление Икты о проигрыше войны после отступления сил Киоки услышали все граждане.

По началу они были сбиты с толку, а затем на них нахлынула тревога. Армия проиграла... что же делать? Неужели войска Киоки вот-вот войдут в столицу!? Неужели их поработят?

Однако со временем горожане осознали, что ситуация не так ужасна, как они себе представляли. До них уже дошла новость о том, что войска Киоки отступили. Эти два противоречащих друг другу сообщения сбивали их с толку. Враг отступил, но Маршал заявил, что Империя проиграла. Что вообще происходит?

Спустя короткое время массы нашли ответ на это противоречие. Маршал намеренно солгал об итоге войны. Это было не решением военных или волей Императрицы, а приказ, изданный само лично Иктой Солорком.

Горожане были возмущены. Наконец они осознали, что произошло невероятное. Армия, которая должна была принести им победу, предала их. Они встали на сторону врага, что привело к поражению Империи. Для граждан, слепо верящих в армию, это была крайняя форма предательства.

Впервые столкнувшись с нечто подобным, что им следует делать дальше? Люди начали обдумывать всевозможные варианты. Согласно обычным процедурам, преступления солдата должны рассматриваться в военном суде. Однако виновником на этот раз был самый молодой Маршал в истории - Икта Солорк, что обладал невероятным талантом. Никто и не ожидал, что военные будут судить его справедливо.

В прошлом им бы не оставалось ничего, кроме как проглотить свои обиды. У масс тогда не было средств судить солдат вне военного трибунала и им не хватало смелости подать жалобу своему правителю. Однако сейчас у них появилась альтернатива. Это учреждение было создано одновременно с Парламентом. В отличие от Парламента, созданного для принятия законов в будущем, этот институт был нацелен на рассмотрение и вынесение приговоров в особых делах... проще говоря, судебная ветвь власти.

— Начинаем первое слушание в суде... подсудимый Икта Солорк, войдите.

Сказал судья твёрдым, но неопытным голосом. Темноволосого парня запустили внутрь, где повсюду были рассажены другие люди, и посадили на стул, связав руки за спиной.

— Смотрите, чтобы он ни делал ничего подозрительного.

Поскольку подсудимый был солдатом, судья очень внимательно отнёсся к тому, чтобы его

крепко привязали к стулу. Икта Солорк принял это без всяких нареканий. За плащом на нём была обычная офицерская форма. Позже парень восхищенно сказал.

— Учитывая, что это впервые, я всё беспокоился, как оно тут будет, но всё выглядит намного лучше, чем я ожидал. Хотя, я никогда не видел заседаний суда в Киоке лично, поэтому не могу сказать, есть ли какие-то мелкие недочёты...

— Тишина в суде! Подсудимый может говорить только тогда, когда к нему обращаются!

Икта говорил так, будто встретил своего давнего хорошего друга, однако в ответ на это получил выговор от судьи. Присутствующие начали хмуриться, и это было только начало.

— Давайте уже начинать суд над подсудимым Иктой Солорком. Прокурор, зачитайте, пожалуйста, его обвинения.

По его настоянию прокурор встал и начал зачитывать документ, который держал в руке.

— Первое, использование Общей Голосовой Передачи без разрешения Императрицы и заявление о проигранной войне. Второе, пособничество в отступлении побеждённых сил Киоки. Третье, убийство Канцлера из-за личных мотивов. Четвёртое...

Мужчина пронзительным голосом зачитывал все обвинения против подсудимого. Когда он закончил, один из слушателей, сидевших в первом ряду, поднял руку.

— Ваша Честь, от имени всех присутствующих у меня вопрос.

— Можете говорить.

Судья дал разрешение на этот запрос. Мужчина средних лет сказал тяжёлым голосом.

— Подсудимый уже признал все перечисленные обвинения. К этому у меня вопросов нет, но... есть кое-что, чего я не понимаю... чего я просто не могу принять.

Он посмотрел прямо на парня и его глаза были полны ярости и замешательства. Мужчина продолжил.

— Икта Солорк... Вы добились доверия Её Величества, и вам была присвоена должность Маршала, несмотря на ваш юный возраст... Скажите почему... Зачем вы это сделали?

Он задал очевидный вопрос. Икта пожал плечами и сказал.

— Даже если вы спрашиваете, эти две вещи не имеют для меня никакой ценности.

— !

Начиная с человека, задавшего вопрос, все присутствующие возмутились. Понимая их удивление, Икта продолжил.

— Все собравшиеся ведь уже знают о моём прошлом? Вам не кажется это странным? При нормальных обстоятельствах такой человек, как я, никогда бы не занял должности Маршала. Возраст, конечно, это одно, но главной причиной является моё происхождение.

— Намекаете на то, что ваш отец Бада Санкрей умер в тюрьме?

Спросил мужчина. Однако, поскольку это противоречило процедурам проведения, судья напомнил мужчине о порядке, и тот снова попросил разрешения, прежде чем задать свой вопрос. Это может показаться утомительным, но без подобных правил это место быстро погрузится в хаос. Икта подумал, что они отлично справляются, несмотря на то что для них это впервые. Затем он ответил на второй вопрос.

— Честно говоря, меня не интересует причина, которая привела к такому исходу. В то время я был довольно молод, поэтому почти не помню своих родителей. Однако то, что их лишили жизни привело меня в ярость. Я должен был быть сыном высокопоставленного офицера и расти в соответствующей среде... но люди внезапно вмешались и разрушили мою жизнь, поэтому я возненавидел Империю.

Сказал он без всякого страха. Сразу после этого другой человек поднял руку и, получив разрешение, сказал.

— Ваши родители погибли из-за пагубного влияния дворян, и это не может не вызвать сочувствия в вашу сторону. Вот только Её Величество оказала вам достаточную милость, чтобы компенсировать это. Вам предоставили шанс подняться на новые высоты в качестве героя Империи. Вы могли бы заполучить всё, чего захотели. Или я ошибаюсь?

Мужчина был искренне сбит с толку, и его слова заставили Икту саркастически улыбнуться.

— Милость... ага, как же...

— А разве не так?

Недовольно спросили его в ответ. Икта громко ответил.

— Мне уже осточертело быть нянькой этой светловолосой дуры.

В зале тут же воцарился шум. Прежде чем ему задали новый вопрос, Икта продолжил.

— Слушайте внимательно. Эта девка пытается изображать тирана, но по факту является мягкотелым человеком. Сколько бы я с ней не разговаривал, она постоянно бубнила о счастье масс и обязанностях правителя... Это так раздражало. Из-за её чёткой позиции против коррупции мне требовалось прикладывать недюжинный усилия, чтобы хотя бы мелочью карманы набить. Само собой это и близко не сопоставимо с моими потерями.

Парень преувеличенно вздохнул. У всех отвисла челюсть от сказанного.

— Даже когда у меня возникало желание предаться плотским утехам, её тощая фигура напоминала, что не подходит моим вкусам. Вы, наверное, думаете, что раз у меня был шанс, то почему я её не оплодотворил, да? Но знаете... одна мысль о том, чтобы смешать свою кровь с этой гнилой императорской семьёй...

Сильный глухой удар оборвал его, не дав закончив. Один из присутствующих бросил в него бутыл с чернилами, запачкав униформу. От этого толпа вспыхнула.

— Заткните его! Заткните этого ублюдка!

— Сейчас же повесьте его!

— Хватит насмехаться над нами, урод!

— И это герой, которым мы так восхищались!? Да на деле он же мусор!

Собравшиеся начали вопить и бросать вещи в связанного парня, который даже не мог пошевелиться. Видя, как место превращается в балаган, судья ударил молотком и крикнул.

— Тишина! Тишина в суде! Хватить кидаться вещами! Уведите пока подсудимого! Мы не можем так продолжать!

Работники суда выполнили поручение, отвязав парня от стула и уведя его. До тех пор, пока он не исчез с поля зрения, крики и проклинания в его сторону не прекращались.

— Маршал...

Чтобы не допустить самосуда над подсудимым, армия выслала нескольких конвоиров для присмотра. Майор Мегу была одной из сопровождающих. Женщина стала свидетелем ужасного

вида испачканной формы парня.

— Как я уже говорил, вам не нужно больше обращаться ко мне по должности... майор Мегу. Кстати говоря, а это вызвало куда больший резонанс, чем я ожидал. Их так легко спровоцировать. Но этим даже лучше, что участники так полны энтузиазма.

Удовлетворенно сказал Икта. Солдаты не знали, что и ответить, и просто молчали. Парень же достал из складок своей одежды ручку, которую в него кинули.

— Вот. Не знаю, кто её бросил, но она явно не из дешёвых. Прошу, верните её владельцу.

Сказал он, передавая её сотрудникам суда. Не в силах больше на это смотреть, майор Мегу еле сдерживала слёзы.

— За что... за что вам всё это!?

Глядя на женщину с дрожащими плечами, Икта криво улыбнулся.

— Вполне резонно относится так к предателю... Ладно, джентльмены, не могли бы вы сопроводить меня обратно в мою уютную камеру? Если я снова покажусь, то меня точно разорвут.

Спокойно сказал парень перед тем, как уйти. Майор Мегу не могла понять, о чём он думал, но всё же следовала за ним, чтобы защитить его от дальнейшего унижения.

Резкий удар от пощечины громко разнёсся внутри. Императрица находилась в своём кабинете в углу дворца и пристально смотрела на одну девушку, преграждавшую ей путь.

— Баки... скажу в последний раз... Сейчас же дай мне увидеть Солорка!

Голос Шамию был полон ярости. Щека Баки сильно болела от удара, но она даже не дрогнула, ответив.

— Я тоже повторю ещё раз... я не могу позволить тебе встретиться с Иктой-ни. Он сам этого хочет, да и мы ничего с этим не можем поделать. Та ведь понимаешь почему.

У Императрицы не находилось слов. В этот моменте Йорга бросился к Баки и пал ниц.

— Ваше Величество, умоляю, примите решение спокойно. Своевольное заявления Икты о

проигрыше войны вышло даже за рамки военных, и ситуация всё ухудшается. Если вы сейчас с ним встретитесь, то граждане наверняка всё не так поймут. Они обратят свой гнев и на вас, после чего система управления развалиться!

С горечью объяснил парень с моноклем. То, что он сказал, заставило Шамию в бешенстве приподнять взгляд.

— Своевольный!? Так ты сейчас сказал!? Ты издеваешься, что ли!? Изначально я должна была...

Её слова внезапно оборвались. Указательный палец, прижатый к губам Императрицы, не позволил ей продолжить. Баки пристально посмотрела на неё и ясно предупредила.

— Никогда не произноси остальную часть! Ты ведь понимаешь, Шамию?

— !

Эти слова, имевшие глубокий смысл, заставили Шамию затаить дыхание. Баки наклонилась к её ушам и прошептала.

— Мы друзья, поэтому я могу малость всё представить... Я так понимаю, положение, в котором вы оба оказались, поменялось местами, так?

Сердце Шамию бешено заколотилось. Императрица, понявшая, что её тайна раскрыта, в шоке посмотрела на девушку в белом, а та в свою очередь продолжила тихим тоном.

— Икта-ни отобрал твою роль в самый последний момент... Я прекрасно понимаю, что ты хочешь его выслушать, однако тебе не стоит забывать о своих собственных обстоятельствах. Он взял на себя твою роль, а значит, и ты должна взять на себя его. Ты всё ещё хочешь его увидеть, даже несмотря на это?

— ...

— Пока его гоняют между залом суда и тюрьмой. Однако и у тебя сейчас не будет свободного времени. Помимо послевоенных проблем, нам ещё необходимо восстановить разоренные войной территории... Это работа Императрицы. Ты должна понимать, что тебе нельзя отказываться от своих обязанностей.

Когда она упомянула об обязанностях монарха, Шамию более не могла сопротивляться. Пока девушка неподвижно стояла, Баки крепко обняла подругу.

— Прости, что говорю все эти мерзости, но Шамию, поверь... я не заставлю тебя долго терпеть.

Я обязательно устрою тебе встречу с Иктой-ни в будущем. Поэтому, прошу, подожди до этого момента...

Мольба Баки заставила Шамию опустить взгляд. Она не могла ничего сделать с Иктой и была способна лишь довериться её словам.

В то же время в конференц-зале Центральной Базы собралась группа влиятельных офицеров.

— Похоже, все основные участники собрались.

Заявил генерал Ремион, стоявший в самом дальнем конце комнаты. Среди участников перед ним были его старый друг, почетный маршал Игсем, генерал Саба, члены Рыцарского Ордена и старший лейтенант Суя Миттокалиф. Критерием отбора стало то, насколько они были близки к Икте Солорку.

— Спрошу ещё раз. Кто-нибудь знает, что он задумал?

Генерал с нефритовыми глазами спросил спокойным тоном. Он взял на себя инициативу вести это собрание, поскольку меньше остальных был предвзят к Икте. В зале повисла тишина.

— Вообще никто? Тогда предположу, что никто не лжёт.

После этой предупреждающей вводной фразы генерал Ремион поднял тему, чтобы продолжить разговор.

— Во-первых, я не понимаю его намерений. Кому выгодно переиначивать победу в поражение?

Стало ещё тише. Он заметил, что у всех на уме вертелся один и тот же вопрос, но генерал продолжил.

— Не хочу этого говорить, но чисто гипотетически... давайте предположим, что всё это время он находился в сговоре с Киокой и пытался воспользоваться своим положением во благо вражеской нации. Вопрос в одном... почему именно сейчас? Он ведь мог подобрать момент, когда бы Киока победила, или когда Империя находилась на грани поражения. Была куча возможностей сделать это куда эффективнее. Но воплощая свои замыслы, он предал нас именно сейчас, и этого я совсем не понимаю.

Отвечая на запутанный вопрос генерала Ремиона, Мэттью впервые отреагировал.

— Он не хочет, чтобы Империя пала в небытие. Но в то же время он не хочет, чтобы она победила.

Сказал слегка пухлый парень. Генерал с нефритовыми глазами взглянул на него.

— Майор Мэттью, что вы имеете в виду?

— Я просто говорю о том, что первым пришло мне в голову. Думать так даже естественно. Хорошо это или плохо, но он никогда не будет предпринимать нелогичных ходов. У него определённо была цель, чтобы заявить о поражении.

Сказал Мэттью, основываясь на своём впечатлении об Икте. Генерал Ремион вздохнул.

— Не хочет, чтобы Империя победила? Если это умозаключение верно, то его намерения с самого начала выходили за рамки намерений солдата.

Когда она это услышала, в голове Харо внезапно промелькнула мысль.

— Её Величество...

Она даже не собиралась, но сказала это рефлекторно. Генерал Ремион холодно повернулся к ней.

— Майор Беккель, вы что-то сказали?

— А, нет... я просто подумала... что это больше походит на то, как подумала бы Её Величество...

Харо не была точно уверена и ответила, запинаясь. Поскольку содержание было крайне деликатным, генерал с нефритовыми глазами не стал продолжать эту цепочку.

— Майор, вам следует быть поосторожнее со словами...

— Нет, всё в порядке. Продолжайте, майор Беккель.

Почетный маршал Игсем, который до сих пор хранил молчание, убедил Харо действовать от имени генерала. Мужчина удивлённо посмотрел на своего старого друга, а Харо, тщательно всё обдумав, сказала.

— Как бы сказать... с самого начала у Её Величества прослеживалось стойкое чувство саморазрушения. Я имею в виду не только её, но и текущую ситуацию во всей Империи... ах, простите, тяжело объяснить словами...

— Я понимаю суть того, о чём говорит Харо. Ты не думаешь, что победа в войне против Киоки, захват территорий и расширение границ ради процветания Империи - это то, чего желает Её Величество, так?

Добавил Торвэй, пытаясь закончить от имени Харо. Когда он услышал, что говорит его сын, на лице генерала Ремиона появилось тревожное выражение.

— Подождите. Если мы будем следовать этой цепочке... то всё выйдет так, будто Её Величество хотела, чтобы всё так и произошло.

Атмосфера внезапно стала опасной. Генерал Саба сказал, как бы предупреждая их.

— Несколько часов назад я видел её... и, честно говоря, она была в тотальной панике. Мои глаза определённо меня не подводят, и я не думаю, что она притворялась.

— Я тоже так думаю. Вот почему... это теория хотя бы наполовину неверна.

Торвэй задумался ещё сильнее. Подумав о темноволосом парне и Императрице, в его сознание нечто медленно начало обретать форму.

— Это то, чего хотела Императрица, однако... какая-то ошибка привела к решающему различию, и это не то, что Её Величество могла решить своей властью. Если всё так, то это объясняет почему она в такой панике. По крайней мере я так думаю на этот счёт.

Причины, сокрытые за их нынешним положением, тянулись от его друга и Императрицы, а не только от одного из них. Торвэй был в этом более чем уверен, и это даже удивляло его. Однако на данном этапе его мнению не хватало доказательств. Генерал Ремион спокойно сказал.

— Достаточно предположений. Не думаю, что новые теории приблизят нас к истине. В любом случае, нам нужно сосредоточиться на том, чтобы вернуть его из судебного заседания.

— Согласен, но всё не так просто. Судя по его поведению во время суда, он не собирался отказываться от участия в процессе.

С горечью сказал генерал Саба. Все понимали, что действия Икты в первый день суда вызвали у масс абсолютную ненависть к его персоне. Хорошенько подумав, Торвэй сказал.

— Неужели мы не можем достать его более мощными средствами? Ик-кун - солдат, поэтому мне кажется разумным, чтобы его судил военный трибунал.

— Будь это обычным делом, то так и было, но это особый случай. В столь молодом возрасте его назначили Маршалом, и он даже стал психологической опорой всей армии. Для всех очевидно,

что военный трибунал не сможет судить его беспристрастно. Если мы потребуем, чтобы они выдали его нам, то это будет равносильно демонстрации нашего намерения скрыть его преступления.

Торвэй замолчал, услышав ответ генерала Сабы. Мэттью же, сидевший рядом, тут же предложил другое.

— А что насчёт Её Величества? До недавнего времени как такого органа Судебной Власти ведь не существовало... В прошлом политических преступников судили в Верховном Суде. Если Императрица потребует перевести его туда...

— Её Величество распустила Верховный Суд, кишачий коррумпированными дворянами, и передала полномочия органу Судебной Власти. Парламент и Судебная Власть являются символом беспристрастности и справедливости Её Величества. Если она силой переведёт преступника, доверие народа к Императрице исчезнет. Настаивать на том, чтобы Икту Солорка судили в Верховном Суде – несбыточная мечта. Это всё равно, что объявить его виновным и позволить ему уйти безнаказанным.

Слова генерала Сабы заставили Мэттью потерять дар речи. Вытащить Икту из судебного заседания могло показаться простым на деле, но чем больше он вдумывался, тем менее осуществимым это было. К настоящему времени они поняли, что даже эта ситуация была частью его замысла. Он намеренно вышел на рожон.

— ...

— А? Суя... подожди, куда ты уходишь!?

Видя результаты их обсуждения, Суя развернулась и пошла нетвердой походкой. Когда Харо окликнула её, она резко остановилась.

— Куда я иду? Действительно, куда же!?

Заикаясь, сказала она, повернувшись к Харо и остальным. Её лицо дрожало от смеси противоречивых эмоций.

— Я ничего не понимаю. Что ещё более важно... я сейчас готова пойти на всё что угодно.

В этот момент остальные осознали, насколько она опасна. Генерал Ремион немедленно отдал приказ.

— Майор Беккель, задержите её!

— Есть!

В ответ на этот приказ Харо схватила Сую сзади. Девушка не сопротивлялась, но по её дрожащему телу было ясно, что её самообладание на пределе. Генерал Ремион с болезненным лицом посмотрел на Сую, которая прерывисто дышала.

— По-другому и быть не могло. Она доверяла ему больше, чем кому-либо, и так далеко зашла под его руководством. Независимо от звания, есть куча людей, которые отнеслись к этому так же тяжело, как старший лейтенант Миттокалиф. Не говоря пока о правде, он должен всё объяснять. Давайте для начала узнаем, что у него на уме. Кто пойдёт первым?

Со всей серьёзностью спросил генерал с нефритовыми глазами. Этот вопрос заставил всех взглянуть друг на друга тяжёлыми взглядами.

Пока Империя оправлялась от замешательства, вызванное Иктой, далеко на востоке в столице республики Киоки, Норандот, происходило следующее. В обычной больнице к северу от столицы в одной из комнат проснулся парень от долгого сна.

— Ммм... мм...

Он приоткрыл глаза и увидел белый потолок. По нему он сразу понял, что в этом месте царит спокойствие и чистота, невозможные на поле боя. Он перевел взгляд и увидел знакомую девушку, наливавшую воду в вазу у окна.

— Миара... ты что делаешь?

— ...

Миара внезапно застыла. Она засомневалась в услышанном, и лишь через несколько секунд робко повернулась к Джину. В этот момент они встретились взглядом.

— Ааа...

В следующие же секунды тело Джина было крепко зажато в её объятия. Не обращая внимания на его удивление, Миара вложила в это все силы, как бы говоря, что никогда его не отпустит.

— Я так рада... я... я уже думала... что ты не проснёшься...

— А?

— Я сейчас же позову доктора! Только не вставай с постели!

Ему казалось, что она никогда не расслабит хватку, но уже в следующий момент она выскочила из комнаты. Джин смотрел на неё с ошеломлёнными глазами.

— Прости, понемногу начинаю вспоминать.

Узнав, что он проснулся, врач пришёл его проверить. Убедившись, что он более или менее здоров, Джин понял, в каком состоянии находится его тело.

— У меня весьма расплывчатые воспоминания, и я не уверен, где был сон, а где реальность. Миара... не могла бы ты мне обо всём рассказать?

— Конечно... Только, прошу, как следует отдохни.

Настойчиво добавила Миара. Парень кивнул и начал вслушиваться в её слова.

— На пока война прекратилась. Когда ты потерял сознание, нам пришлось отказаться от наших планов вторжения в Империю из-за многих факторов. Учитывая поражение флота и отсутствие подкрепления, мы отозвали силы обратно в Киоку. Сейчас мы в особой палате больницы в Норандоте. После того, что произошло в штабе, ты проспал более месяца.

Джин стиснул зубы. Он уже догадывался обо всём, но всё же её слова нанесли ему болезненный удар.

— Получается... я проиграл самую важную войну?

Чуть позже на него нахлынуло ощущение реальности. Однако не дожидаясь, пока он обвинит себя, Миара оборвала его и продолжила.

— Это правда, что мы были всего в одном шаге от их столицы, но дальше мы так и не продвинулись. Однако это далеко не из-за тебя одного.

Беловолосый офицер ошеломленно посмотрел на неё. Глаза Миары дрогнули от печали.

— Я поняла, что война проиграна, когда ты рухнул. Мы не могли прийти в себя после того, как потеряли путь к победе. Так себя чувствовали большинство офицеров. Доказательством этого служит то, что, когда я временно приняла на себя командование, ни у кого не нашлось желания взять на себя управление войсками.

— ...

— Мы слишком многое на тебя взвалили. Будь то разработка стратегии, командование на передовой или психологическая поддержка... мы скинули всё на тебя, поэтому неудивительно, что, когда ты отсутствовал, всё развалилось. Нам следовало разделить работу и больше сотрудничать. Если бы мы позволили людям самим принимать решения и сократили общение через духов наполовину, то ты бы не потерял сознания.

По её тону Джин понимал, что она сожалела и ни раз об этом размышляла. Прямо сейчас у него не находилось слов, чтобы её опровергнуть.

— Да. Это причина нашего поражения.

— Джин...

— Мне казалось, что я смогу сражаться до самого конца... что смогу превосходно командовать всей армией... что обязательно не проиграю. Однако я исчерпал свои возможности прежде, чем осознал это. Я не мог справиться с большим количеством солдат, перемещающихся по множеству полей сражений, одним своим умом, и ко второй половине войны всё усложнилось. Я многое на себя взял и в итоге проиграл войну... Всё так, как ты говоришь.

Сжатый кулак Джина задрожал на его колене. Однако после некоторого беспокойства по этому поводу Миара покачала головой.

— Ещё не понятно, проиграли ли мы её.

— А?

— Сейчас я ни в чём не уверена. Мы отступили, не взяв столицу, что могло показаться проигрышем... Однако произошла кое-какая странная вещь. Империя односторонне заявила, что проиграла войну.

Узнав от неё этот неожиданный факт, Джин от удивления широко открыл глаза.

— Проиграли войну!? Подожди...

Он собирался задать вопрос, но из коридора послышались неистовые шаги. Джин повернулся, чтобы посмотреть, кто там, и обнаружил, что дверь открывает знакомый крепкий мужчина.

— О, так ты действительно проснулся!

Закричал Харра, увидев парня, сидящего на своей кровати. Его миниатюрный адъютант выглядывал из-за его спины. Джин был рад их видеть.

— Харра, старший сержант Мита... Вы оба целы!

— Меня госпитализировали после ранения в плечо! Кстати, ты очень долго спал! Решил наверстать упущенное после того, как столько работал!?

Сказал Харра, указывая на свое перевязанное левое плечо. Услышав это, Джин наконец осознал произошедшее с ним изменение.

— Надо же. Я правда спал...

Ошеломленно сказал парень. Для Джина Алкиникса, наделённого бессонницей, это было серьёзным изменением. Джин не знал, что с этим делать, и замолчал. Старший сержант Мита наклонилась вперёд и посмотрела ему в лицо.

— Хорошо выглядишь, босс. Я удивилась, когда узнала, что ты упал в обморок, но это же классно, что тебе удалось так отдохнуть, верно?

— Ты так просто об этом говоришь, но знаешь как я волновалась. Врач вообще не был уверен, проснётся ли он когда-нибудь...

Проворчала Миара, глубоко вздохнув. В этот момент в дверь постучали, и все оглянулись.

— Простите... к вам гости из армии. Они могут войти?

Сдержанно спросила медсестра. Миара подняла руку, чтобы остановить Джина, который рефлекторно хотел согласиться, и ответила.

— Он только что проснулся, и его состояние нестабильно. Пусть поворачивают обратно. Если нужно что-то передать, то пусть связываются с Миарой Гин.

— Миара... со мной всё хорошо...

От разговоров хуже мне не станет. Когда Джин собирался это сказать, его адъютант улыбнулся ему, от чего у него пошли мурашки по телу.

— Я же говорила, что очень за тебя переживаю. Ты даже с постели встать не можешь и считаешь, что достаточно здоров?

— А? Нет... я же...

— Скажите им, что пациенту нужен отдых и покой.

Её угнетающая аура заставила Джина лишь в согласии кивнуть. После этого Миара сказала, что посещение на сегодня окончено, и выгнала Харру и Миту из комнаты.

Через несколько дней состояние Джина значительно улучшилось, и Миара стала меньше беспокоиться о посетителях. На пятый день Великая Мать Белых Крыльев пришла навестить парня.

— Рада, что ты проснулся. Никогда не думала, что именно ты проспишь целый месяц.

Сказала Элулуфай, очищая одно из яблок, которое принесла с собой. Грег стоял позади неё. Недавно он столкнулся с Харрой, который пришёл раньше, и они оба молча давили друг на друга. Не обращая внимания на ссору двух крепких мужчин, Джин склонил голову перед Великой Матерью в извинениях.

— Мне очень жаль, контр-адмирал Тенерексилла. Всё так вышло, поскольку я не прислушался к вашему совету.

— Не говори так. У меня нет права жаловаться. Возможно, если бы я была Адмиралом флота, морское сражение могло бы сложиться иначе.

Элулуфай естественным тоном взяла на себя ответственность за поражение. Джина это сильно тронуло. Она протянула ему нарезанное кубиками яблоко, а затем с хрустом откусила один кусочек.

— Но всё же я не понимаю, что у них там происходит. Я слышала, что Имперская армия таинственным образом заявила о проигрыше в войне и не стала преследовать отступающие силы Киоки. Благодаря этому очень много людей благополучно вернулось домой. Это превзошло всякие наши ожидания, но всё же... что же там такое произошло?

Джин скрестил руки в глубоком раздумье рядом с озадаченной Элулуфай. В тихой комнате двое крепких мужчин в очередной раз встретились взглядами.

— Грег, не дерись в палате больного... В парламенте сейчас тоже хаос. Неясно, выиграли ли мы войну или проиграли, поэтому чиновникам сложно решить, хвалить или винить премьер-министра. Дипломатические переговоры с Империей уже ведутся, но они ведут себя уклончиво. Как бы там ни было, у них сейчас определённо чрезвычайная ситуация.

Прямо заявила Великая Мать. После недолгого молчания Миара вмешалась.

— Очередной военный переворот? Прямо как при рудниках Хиоредо?

— Возможно нет. Заявление об окончании войны было сделано через Общую Голосовую Передачу, а голос определённо принадлежал Солорку. Если это переворот, то он однозначно предал свою страну. Тем не менее...

После этих слов в голове у Джина всплыло воспоминание. Когда он довёл свой мозг до предела и вот-вот собирался потерять сознание, у него был разговор с Иктой. Понятное дело, это не было реальность, и Джин понимал, что это была лишь иллюзия, созданная его истощённым разумом. Однако даже так слова темноволосого парня произвели на него глубокое впечатление.

— Он попрощался...

— Хм?

Элулуфай озадаченно посмотрела на Джина, который говорил сам с собой. Парень не собирался делиться своими заблуждениями, поэтому тихо покачал головой.

— Не берите в голову. Откровенно говоря, я вообще не могу представить того, что сейчас происходит внутри Империи. Всё, что мы можем... это следить за прогрессом нашей дипломатической команды и не ослаблять обороны, будучи солдатами. Я сейчас же отправляюсь...

— Джин! Я уже сказала, что ты не можешь...

Парень выглядел так, словно его могли выписать в любой момент, но Миара тревожно выкрикнула. Элулуфай посмотрела на обоих и небрежно вмешалась.

— Миара ведь довела до сути дела, так? Тогда нет смысла спешить возвращаться. Как и в случае с Арио, верха не знают, как к тебе относится. Прямо сейчас не понятно, герой ли ты, что выиграл войну, или генерал, что потерпел поражение. Как думаешь, хоть что-то можно сейчас поручить такому офицеру?

— ...

— Надеюсь, ты не будешь высываться до того, пока всё не станет ясно. Скорее всего, начальство того же мнения. Поэтому воспользуйся случаем и как следует насладись отпуском. Ты слишком много работал, и грех упускать такой шанс.

Весьма логичным образом она подвела к тому, чтобы парень отдохнул. Как и Миаре, ей не хотелось, чтобы к Джину снова вернулась бессонница. Элулуфай втайне думала о нём как о своем младшем брате.

— Независимо от того, как будут развиваться отношения с Империей, одно можно сказать наверняка... крупномасштабной войны в ближайшем будущем не предвидится. И Киока, и Империя потратили слишком много ресурсов в этом финальном сражении. Антивоенные настроения набирают силу, и Империя не настолько глупа, чтобы мобилизовывать свою измученную армию для начала карательной кампании. Эра войн подошла к концу. Точно заявлять не буду, но, по крайней мере, на какое-то время их точно не будет.

Уверенно сказала Великая Мать. Она выглянула в окно и тихо продолжила.

— Остальное уже за политиками... и надо бы попробовать себя в этом направлении.

— А?

— Обо всём расскажу, когда у меня появится конкретный план. Ладно... не буду тебя больше загружать разговорами, поэтому давай на сегодня закончим. Пошли, Грег. Эй, я же говорила не ссориться здесь! И чего вы сражаетесь на пальцах с такими страшными лицами?

Элулуфай встала, потянула Грега за рукав и покинула комнату. Джин, смотря ей вслед, задумался и положил руку на подбородок.

Ни Императрица, ни армия не могли уладить ситуацию, поэтому столица погрузилась в смежное состояние между войной и миром. В таких обстоятельствах Икта Солорк дошёл уже до 5-го слушания. Атмосфера между тем была такой же напряжённой, как и в первый день.

— Разрешите спросить подсудимого! Когда вы начали обманывать Её Величество?

Задал вопрос один из слушателей. От содержания парень со стоном поднял голову.

— Хмм~ непростой вопрос. Когда я впервые встретил её, я сразу подумал о ней, как об инструменте для моего обогащения, но вы спрашиваете, когда я начал вводить её в заблуждение. Честно говоря, я даже не помню когда. Если для вас это такая заноза, то почему бы вам самим не сказать?

В его словах была смесь высокомерия и покорности, что делало его очень отвратительным. Все присутствующие взревели от ярости. В этот день люди тоже бросали вещи.

— Тишина в суде! Хватить бросаться! Подсудимый Солорк, ваш ответ слишком проникновенный. Не могли бы вы отвечать по существу? Вы ведь должны понимать, что от вашего поведения зависит суровость приговора.

— Как~ я~ сказал~ мне уже надоело играть роль, поэтому я раскрываю вам свои истинные мотивы. Мне плевать на настроения других и уж тем более меня не волнуют обязанности Маршала. Если бы меня назначили на более простой пост, то я бы просидел там подольше, но вы поставили меня сами знаете куда. Разве я в этом виноват?

Икта сказал это так, будто только что это придумал. Сразу после его слов в него полетела тяжёлая стопка бумаг.

— Айайайай... Я не против, что в меня кидаются, но не могли бы они подбирать вещи полегче? Видят ведь, что мои руки связаны за спиной.

Жалуюсь, потирал лоб Икта. По окончании слушания парня отвели обратно в камеру. Через какое-то время его тишину нарушили тяжёлые шаги.

— В таком случае не говорите того, что заставит людей в вас бросаться, командир полка.

С ним заговорил генерал Кубала Саба, что был другом их семьи ещё со времён его отца. Икта преувеличенно поприветствовал его.

— Добро пожаловать в мою прекрасную камеру... Получается, вы первый, генерал Саба?

— Верно... Мы могли послать кого-нибудь из Рыцарского Ордена, но на данном моменте, я, пожалуй, единственный, кто может поговорить с тобой спокойно. Надо же как-то оправдать свой возраст и опыт.

— Хахаха, и то верно. Приди сюда Мэттью, то он бы определённо ударил меня ещё до того, как мы бы заговорили.

— Хорошо, что ты понимаешь. Следующей на очереди будет старший лейтенант Суя Миттокалиф.

— А вот это заставляет меня напрячься.

Сказал Икта с серьёзным выражением лица, ибо имел неоднозначное представление о том, что будет. Генерал Саба мягко рассмеялся и огляделся.

— А здесь никого. Мне казалось, это место будут постоянно патрулировать.

— По сути, так и должно было быть, но когда Шамию создавала орган Судебной Власти, я занимался вопросом назначения персонала. По правде говоря, все охранники здесь – знакомые лица. Они не будут нас подслушивать, поэтому можете расслабиться.

Пообещал Икта, хотя именно он был в камере. Генерал Саба кивнул и сел перед железными прутьями.

— Вот как... похоже мы можем свободно поговорить.

— Получается, я должен прояснить ситуацию?

— Само собой. Если попытаешься обмануть меня как во время слушаний, то я буду вынужден встряхнуть твою голову от имени Бады.

Сказал мужчина, сжимая свой правый кулак. Икта обеими руками схватился за голову.

— Пощади, дядюшка Саба. Твой кулак живого места на мне не оставит.

— Тогда рассказывай Икта... зачем тебе всё это?

Твёрдым тоном спросил мужчина, словно предупреждал племянника не делать шалостей. Икта неловко улыбнулся.

— Перед вами бесполезно притворятся, да?

Сказал он с трепетом, а затем сел прямо и повернулся к Сабе. Это был его способ сказать, что теперь он был серьёзен.

— У меня есть на то свои причины, однако раскрыть их я не могу. Просто примите это как факт. Не думайте слишком много, и, если возможно, не пытайтесь что-то разгадать.

Загадочно ответил парень. Генерал Саба посмотрел ему прямо в глаза и спросил.

— Ты взял на себя её роль?

Над ними повисла тишина. Выражение лица Икты не изменилось, однако по этой тишине генерал Саба мог сказать, что попал прямо в яблочко.

— Это оно? Не хочу гадать, но... в этом всё дело?

Генерал Саба со вздохом принял молчание за ответ и продолжил дальше.

— Когда ты стал частью "этого"?

— После первого имитационного сражения. Именно тогда я был замешан.

— Вот оно как... получается она думала об этом ещё тогда. Хотя стоп... может ещё в Киоке? Хмм...

— Хуже всего то, что там тоже нашёлся человек, который раздул пламя. Будь то в Империи или в Киоке... этот ребёнок всегда был мишенью проблемных людей.

С горечью сказал Икта. Поскольку его видели насквозь, ему больше не было смысла молчать.

— Но это только половина причины. Другая заключается в том, что я просто сам этого хотел.

Твёрдо заявил парень. Когда генерал Саба услышал это, он впервые показал озадаченное лицо.

— О чём ты?

— Я имею в виду буквально. Спасение этой страны - не моя цель. Правильней было бы сказать, что я никогда об этом не думал. Вот почему... я только за такую ситуацию.

Сказал Икта с одинокой улыбкой. Он вспомнил как познакомился с золотоволосой девушкой, которая, казалось, не собиралась проживать свою жизнь, и подумал о том, как добрался до этой стадии.

— Я не мог отклонить её предложение... Вспоминая о том дне, думаю, у меня уже тогда был точный ответ.

Поздно ночью на Центральной Военной Базе. Слишком нетерпеливые офицеры, которые не могли дождаться утра и хотели вытащить Икту, собрались в том же конференц-зале, что и в прошлый раз.

— Поговорив с ним, я многое подтвердил. Имея это в виду, я лишь понял, насколько ужасна ситуация.

Заявил генерал Саба всем присутствующим. Лица всех собравшихся побледнели, а мужчина тем временем продолжил.

— Он планирует довести ситуацию до крайности. Всё, что он говорил во время суда, было сказано специально. Он не отчаялся и не был сбит с толку. Это всё тот же Икта Солорк, которого мы все знаем. И именно поэтому его будет крайне тяжело остановить.

Генерал Саба выразил свой пессимистический прогноз. Подумав немного, Мэттью спросил.

— Как он объяснил объявление о поражении?

— Судя, по его словам, у него были на то причины. К тому же, он сам этого хотел. Слишком тяжело вдаваться в детали. Даже некоторым собравшимся здесь не следует искать истины, которая облегчит тяжесть на их сердцах.

Его слова потрясли всех. Суя была первой, кто отреагировала.

— Хотите сказать, что некоторые из нас не воспримут его всерьёз?

Она чуть ли не кричала. Ощувив на себе её пристальный взгляд, а также взгляды других собравшихся, генерал Саба осознал свою ошибку и покачал головой.

— Вы очень серьёзно воспринимаете мои слова. Я не так выразился. В общем, предположение майора Беккель и подполковника Торвэя оказалось верным. Объявление о поражении в войне должна была издать Её Величество.

В этот момент теория перестала быть таковой. Лица всех присутствующих застыли, и Мэттью дрожащим голосом спросил.

— Это правда?

— Никому об этом не говорите. Я сейчас не преувеличиваю. Это в действительности может привести к развалу нации.

Строго предупредил генерал Саба. Он углубился в истину.

— Спасти страну, проиграв войну... Трудно принять это будучи солдатом, но таков замысел Императрицы. Устаревшая социальная структура Империи, отношения между политиками, армией и гражданами... У Империи с этим нет никакого будущего. Поэтому она создала Парламент, перереформировала всевозможные системы, а объявление о поражении в войне должно было стать её последним венцом. Её Величество намеревалась предать массы и быть казнённой разъяренной толпой, чтобы начать революцию...

— Но Икта её опередил...

Тихо заявил Торвэй. Генерал Саба твёрдо кивнул. В этот момент вмешался генерал Ремион.

— Говорите, что они поменялись ролями? Поскольку Её Величество казнили бы, то Икта Солорк, человек, которому она доверяла больше всего, поддержал бы незрелый Парламент и направил нацию в будущее. Но поскольку он Маршал, это не слишком сильно отличается от Военной Хунты... нет, не просто так выбрали именно его. Её Величество надеялась, что пока у руля не будет стоять амбициозный Маршал, Парламент сможет дорасти до правительственного органа.

— Но всё решилось во время Общей Голосовой Передачи. После сделанного заявления, другая сторона не могла сделать того же. Ведь в таком случае у нации бы не осталось того, кто повёл бы её вперёд.

Добавил почётный маршал Игсем. Харо тоже поделилась своими мыслями.

— Её Величество, скорее всего, не обсуждала декларацию о поражении с Иктой. В противном случае он бы её обязательно остановил. Она спланировала всё втайне, никому не сообщая, но Икта увидел её насквозь.

— Зная о плане, не составляет особого труда предпринять меры раньше. К тому же, поскольку он являлся Маршалом, он был одним из первых, кто узнавал о развитии войны. Ему оставалось лишь просто прознать о моменте, когда армия Киоки откажется от вторжения и начнёт отступление. Как ни посмотри, но Её Величество была на шаг позади в получении этой информации...

Сказал Мэттью сквозь стиснутые зубы. Услышав это, Харо в шоке подняла голову.

— В условиях чрезвычайного положения Маршал может воспользоваться Общей Голосовой Передачей. Я помню, как Её Величество и Икта обсуждали это. Тогда мне казалось, что это было лишь частью подготовки к финальной битве с Киокой. Если подумать, то сейчас всё становится понятно. Он намеренно это спланировал, чтобы заявить о поражении вместо Её Величества.

Оглядываясь назад, можно было увидеть множество предпосылок, но тогда ни у кого и в мыслях не было никаких подозрений. Это показывало, насколько тщательно Икта скрывал свой план.

— Суть я поняла... но что будет с ним?

Суя перешла прямо к сути. Генерал Саба ей ответил.

— Его отношение во время судебного заседания всё прояснило. Исполняя долг того, кто заявил о поражении, он готов к суду... и казни.

Он ни капли не сомневался. Икта не отказывался от роли, которую отнял у Императрицы.

— Он полон решимости умереть и не сбежит с места казни... Такое решение принял Икта Солорк, чтобы Императрица Шамию смогла жить дальше.

— Получается, вы скрывали свои амбиции даже от товарищей?

Спросил один из слушателей во время 8-го заседания. Поскольку внимание участников сместилось на его отношения с Рыцарским Орденом, Икте приходилось отвечать осторожно.

— Верно. Я подумывал сделать их своими марионетками, но они для такого не подходили. Честно говоря, сейчас аж противно находится с такими правильными людьми.

Икта высунул язык. Он утверждал, что он был близок с ними только на поверхности, когда как своё сердце всегда держал от них закрытым. Большинство слушателей согласились с его утверждениями, поскольку пока это не противоречило их впечатлениям о парне.

— Но всё же... вы братья по оружию, доверившие друг другу свои жизни... Не чувствуете ли вы себя виноватым? Они ведь доверяли вам, пока сражались под вашим руководством.

Человек попытался воззвать к его совести. Поскольку Икта отыгрывал роль того, у кого её не было, он соответствующе ответил.

— Вот почему нельзя так легко доверять людям.

На этот раз в него ничего не бросили. Взоры, полные ненависти и отвращения, были обращены к нему со всех сторон.

— Моё плохое поведение во время кадетки сыграет мне на руку. Чем больше они будут узнавать, как я вёл себя в армии, тем крепче у них сложится впечатление, что "этот парень действительно на такое способен".

Разговаривал Икта сам с собой пока лежал на койке в своей камере. Благодаря своему бойкому языку ему было легко оставить о себе плохое впечатление. Ему просто нужно было понять,

какого злодея хотели видеть люди, и действовать в соответствии с их ожиданиями. С горькой улыбкой он подумал, что это ему больше подходит, нежели строить из себя героя.

— Получается в этом направлении я поведу судебное разбирательство, хмм...

Икта почувствовал порыв ветра на щеке, и его взгляд упал на другую сторону стальных прутьев. Через несколько секунд раздались громкие две пары шагов по каменному полу. Те, кто предстал перед ним были его разъярённая ученица и красноволосый генерал.

— ...

— Твоя очередь, да Суя? Кстати, я понимаю, почему тебя сопровождает почётный маршал Игсем...

Суя, которая подошла вплотную к решетке, внезапно потянулась к воротнику парня. Икта рефлекторно откинулся назад в самый последний момент. Правая рука, не сумевшая поймать добычу, в отчаянии затряслась перед ним.

— Погоди же... зачем тянутся сразу к лицу!? Хотя бы послушай мои оправдания!

— После того как я выслушаю... убедит ли меня это простить тебя?

— Возможно нет. Но по крайней мере твоё желание ударить меня 100 раз может сократиться хотя бы до 80. Думаю, это существенная разница... как для моего лица, так и для твоих кулаков.

Сказал Икта, почувствовав серьёзную опасность для своей жизни. Суя посмотрела прямо на него, и через какое-то время опустила руку.

— Я поняла суть произошедшего. Ты предал нацию вместо Её Величества и оказался здесь.

— Совершенно верно. Однако и я сам этого хотел. Надеюсь, ты уважаешь мой выбор.

Серьезно сказал Икта, но Сую это уже не волновало. Независимо от того, кто этого хотел или для кого это было... он уже сделал дело. Это не изменит того факта, что он искал смерти, не заботясь о себе.

— А что насчёт полка Восходящего Солнца? Он ведь ещё не распался...

— Хмм... Что ж... на этот раз он будет точно распущен. Учитывая произошедшее с моим отцом и то, что сделал я... полк с такими двумя зловещими инцидентами никому не принесёт пользы.

— ...

— Лучше подумай о себе. Ты была моей любимой ученицей... Хмм, или ещё рано использовать прошедшее время? Ты сейчас в таком неловком положении. Если будешь действовать опрометчиво, то последуешь моему примеру. Тебе бы залечь на базе на какое-то время.

Советовал Икта после обдумывания ситуации. Услышав это, Суя испуганно улыбнулась.

— Ты... совсем меня ни во что не ставишь...

— ...

— Считаешь, что я какая-то сука, которая тихонько спрячется только потому, что ты так сказал!? Да всё наоборот! Если ты будешь категорически против, то я пойду ва-банк.

Суя объявила войну с опасным блеском в глазах.

— Знаешь, мы ведь может устроить очередной переворот с полком Восходящего Солнца. И я это сделаю. Когда правда будет обнародована, члена Рыцарского Ордена и генерал Саба обязательно присоединятся к нам. Даже генерал Ремион и маршал Игсем окажут поддержку. Никто не хочет, чтобы ты умирал...

— ...

— Подключив людей, мы устроим не просто переворот. Орган Судебной Власти будет распущен, шумный Парламент будет уничтожен, и армия вернёт тебя обратно в течение дня. Чем больше я думаю об этом, тем легче становится... Знаешь, военная хунта довольно проста и прямолинейна. Самое то...

Суя засмеялась, опустив голову. Её глаза смотрели прямо на Икту.

— Командир полка, а вы сильно вспотели.

— Ещё бы я не нервничал. Ты ведь серьёзно готова сделать то, о чём говоришь.

— Хорошо, что ты понимаешь. Ладно, скоро буду здесь. В следующий раз вернусь с армией. Ты только дождись...

Суя повернулась, чтобы уйти, но её запястье было крепко схвачено. Она в замешательстве обернулась и посмотрела на руку парня, которая ни в какую не отпускала её.

— Почему ты мне мешаешь?

— Не уходи. Давай поговорим ещё немного.

— Что нам дадут эти разговоры? Ты меня не переубедишь...

— Знаю. Всё-таки мы так давно знакомы.

— Тогда какой смысл разговаривать!?

Суя хотела было повысить голос, но слова застряли у неё в горле. Она видела сокрушительную боль в глазах парня.

— Разговаривать не по делу - нормально. Я просто хочу слышать твой голос. Хочу видеть каждое твоё движение. Это, наверное, в последний раз, когда я встречаюсь с тобой лично.

— !

— Я не пытаюсь тебя переубедить, ведь не собираюсь отступать. Я уже решил, что буду делать, и единолично заставляю вас согласиться со мной постфактум. У меня нет права просить вас понять меня... но и изменить неизбежного вы не можете.

— С чего этого? Думаешь, я не смогу устроить переворот?

— Не сможешь. Что касается причин, то, во-первых, генерал Саба и генерал Ремион остановят тебя. Заявление о поражении было объявлено, поэтому кто-то должен взять на себя ответственность за измену, и они это прекрасно понимают. Я в свою очередь не собираюсь перекладывать вину ни на кого другого. Что касается второй причины... Возможно, ты ещё не осознала, но ты не сможешь предать усилия Шамию. Ты знаешь, как усердно она работала, и какую поддержку оказала тебе для вступления в офицерскую академию. Сuia Миттокалиф про это точно не сможет забыть.

Уверенно сказал Икта. Его ироничное доверие заставило Сую сжать кулаки.

— В этот раз я должна уступить ей?

— Суя...

— Прямо как в тот раз? Как во время переворота, когда мои чувства оказались вторичными? Хочешь, чтобы я снова это приняла? Ты издеваешься? Издеваешься надо мной!?

Она закричала и потянулась через решетку. Икта не стал уклоняться, и Суя схватила его за плечи.

— Посмотри на меня! Посмотри на Сую Миттокалиф, которая стоит прямо здесь! Другие люди не важны, мне плевать на будущее нации! Важна лишь моя жизнь! Я пришла сюда, потому что прежде всего отдаю предпочтение своим чувствам!

— ...

— Если я не смогу устроить переворот, то я начну бунт со своими подчиненными, которые захотят меня поддержать! В любом случае это одно и то же. Мне просто нужно напасть на это место и похитить тебя силой! Меня не волнует, умру ли я, ведь мои чувства будут жить во мне до этого момента! Я сделаю всё, что могу, и использую всё возможное! Я соглашусь с тобой только после этого! Прими разочарование в моём сердце! Прими чувства, возникшие из-за тебя! Иначе эти эмоции задушат моё сердце...

Суя с тревогой излила свои чувства. Пожар, который невозможно было потушить, продолжал причинять ей боль. Она кричала, что страдает из-за него. Незрелые чувства, которые не могли перерасти в восхищение или любовь, смешались с ревностью в извращенную агрессивность. Она не могла перестать плакать от собственной беспомощности и отчаяния. Потому что она знала, что была верна себе, и от этого она не могла отступить.

— Во время обеда ты начинаешь с сочных фруктов...

Голос парня вливался прямо в её уши. Её руки на его плечах застыли на месте.

— Если их нет, то ты ешь овощи. А если и их нет, то просто делаешь глоток воды. Ты кушаешь довольно быстро, но твой обеденный этикет вполне неплох. Ты любишь острую пищу и овощное тушёное мясо. Ты даже малость недовольна тем, что другие не понимают этого вкуса. Ты считаешь, что блюда, подаваемые в столовой базы, недостаточно острые. С другой стороны, ты любишь замороженные десерты и особенно сладкий чай.

— ...

— Ты очень хорошо относишься к своему начальству и коллегам, но особенно мягко ты относишься к подчинённым. Правильно ли я руковожу? Действительно ли я направляю их по лучшему пути? Постоянно держа это в голове, ты тренируешь своих людей и не забываешь делать заметки. С маленькими животными у тебя не заладилось, но ты их не ненавидишь. Просто держишь дистанцию и по малу привязываешься к ним.

Икта продолжал приглядывать за ней, словно родитель, наблюдающий за ростом своего ребёнка.

— После того, как мы снова воссоединились в армии, я наблюдал за тобой с неописуемым тёплым чувством, которого даже не понимал. Я наблюдал за твоими решениями, твоей борьбой и твоим ростом. Ты действительно ненавидела меня по началу. Твой характер полностью отличался от моего. Ты гораздо трудолюбива и честна. Поэтому, когда мы узнали друг друга, я был очень счастлив, что ты приняла то, как я поступал. Передавать свои мысли другим и позволять своему образу мышления продолжать жить в сознании других... для меня это блаженство.

Сказал Икта, держа её руки на своих плечах. Как будто выражая неразрывные узы между ними, которые будут длиться вечно.

— Я хочу поправить сказанное ранее. Суя... ты всё ещё моя любимая ученица. Ты меня хорошо знала, но не прекращала учиться под моим началом. Даже была способна пойти против меня, слепо не следуя моим путём. Я искренне уважаю эту твою сторону...

Парень уставился прямо на неё и открыл ей своё сердце. Услышав всё это, её губы на опущенной голове слегка задрожали.

— А кто тогда...

— ...

— Кто их примет!?

Суя стряхнула его руки, как ребёнок в истерике. Икта неловко улыбнулся и отпустил её.

— Ааа...

В следующий момент тело Суи рухнуло, словно марионетка с перерезанными нитями. Она упала на пол, не почувствовав боли. За её спиной молча стоял красноволосый генерал, который схватил её за шиворот в нужный момент.

— Прошу прощения, почетный маршал Игсем.

— Я решил жить согласно твоему желанию...

Сказал мужчина твердым голосом, а затем повернулся к парню и продолжил.

— Однако я хочу, чтобы ты пообещал мне одну вещь... если ты передумаешь и захочешь жить, не бойся обратиться ко мне или кому-то другому за помощью.

— Да, так и сделаю... Спасибо, дядя Сол.

Икта впервые искренне обратился к нему. Когда мужчина услышал это, он улыбнулся еле заметным образом, прежде чем снова вернуться к своему каменному лицу.

В то же время. Не имея возможности связаться с Иктой, беспокойство Шамию начало расти. Её эффективность в работе упала аж в два раза. Вот такое подавление эмоциональных всплесков, которые могли возникнуть при малейшем расслаблении, требовало необычайной сосредоточенности.

— Ваше Величество, члены Рыцарского Ордена ищут аудиенции.

В этот момент снаружи послышался голос Луканти. Плечи Императрицы содрогнулись, и после паузы она с притворным спокойствием спросила.

— В чём причина визита?

— Это никак не связано с официальными делами, и они бы хотели обсудить кое-что с вами наедине.

— Понимаю. Пропусти их.

Ответила Шамию, приняв решение. Вскоре в комнату вошли Мэттью, Торвэй и Харо. Их серьезные лица показывали то, что было у них на уме.

— Мы хотим обсудить вопрос спасения Икты.

Мэттью пропустил формальности и сразу погрузился в суть дела. Шамию собиралась встать и заговорить, но тут её остановила Харо.

— Ваше Величество, нет необходимости об этом упоминать. Давайте опустим это. Мы уже разобрались в ситуации.

— Вот как? А я уже была готова принять твой гнев на себя...

— Я тоже многое что хочу сказать, но сейчас на это нет времени. Какой смысл хоть на что-то злиться, если мы сперва не притащим сюда этого придурка. Вы ведь того же мнения, Ваше Величество?

Шамию почувствовала облегчение, что Мэттью не слишком беспокоился о ней, и повернулась в сторону приёмной в углу комнаты.

— Верно... присаживайтесь. Нам предстоит о многом поговорить.

— Икта Солорк? Подсудимый Солорк!

— А?

Голос, взывающий к нему, пробудил парня ото сна. Вокруг он видел опасные отблески в глазах окружающих. Почувствовав, как его руки связаны за спиной к жесткому стулу, Икта опомнился и вспомнил ситуацию, в которой оказался.

— Ой, простите. Мне показалось, что вы ещё надолго тут, поэтому малость задремал.

— Как можно уснуть посреди судебного заседания!? Мы ведь обсуждаем ваши преступления! Слушайте внимательно и будьте серьёзны!

— Ну~ Я бы смог продолжать, если бы выпил чашечку чая... Могу я попросить о небольшом перерыве?

В этот раз он вовсе не насмеялся и заявил вполне серьёзно. Слушатели же не увидели никакой разницы и опять их недовольство посыпалось в его сторону. Икта воспринял их как будильник и тяжело вздохнул.

После дневного слушания парня обратно отправили в камеру. Когда он вошёл в камеру, он рухнул лицом вниз на свою койку и схватился за спину, которая болела от долгого сидения на жестком стуле. В этот момент он услышал приближающиеся шаги.

— Патреншина... сегодня ты?

Сказал Икта, привстав с койки. Услышав это, девушка подошла к прутьям и нахмурилась.

— Откуда ты знаешь, что это я? Я ведь даже ни слова не сказала.

— Ваши выражения лица и походка отличаются. Может мне рассказать о более явных различиях?

— Не надо, а то я потеряю в себе уверенность. Всё-таки ты страшный человек.

Патреншина надула губы. Она села прямо перед решёткой и сердито посмотрела на парня.

— Выбирайся давай. Если ты умрёшь, то Харо будет плакать. Ты решил нарушить своё обещание?

— Даже я не могу жить вечно~

— Придурок, я говорю о том, чтобы ты не умирал раньше Харо. Ты обязан взять на себя ответственность за тех людей, которых спас.

— Тут ты права.

Икта горько повесил голову от её обвинения. Патреншина вернулась обратно, и вместо неё появилась Харо со спокойной улыбкой.

— Привет, Икта... Честно говоря, я так рассмеялась, когда узнала, что ты задремал во время суда.

— Ну, для меня это обычное дело. Я ожидал большего, но суд оказался таким скучным местом. Стул жёсткий, меня постоянно расспрашивают... Понятное дело, что есть куда стремиться, и я надеюсь, что в будущем они возьмут пример с Киоки.

— Хахахах... Так забавно это слышать, учитывая, что именно ты сидишь на стуле подсудимого.

— А можем мне внимательно выслушивать их обвинения, делать вид, будто размышляю над своими действиями, а затем с болезненным видом заявлять, насколько трагичной была моя жизнь?

— Мне такое даже тяжело представить, однако... мы бы хотели, чтобы ты вёл себя так впредь.

Твёрдо сказала Харо. Почувствовав изменение в её тоне, Икта тоже стал более серьёзен.

— Чтобы ни случилось в будущем, мы хотим, чтобы ты избежал смертной казни. К такому решению мы пришли все вместе.

— Хмм, собрались толпой, чтобы всё обсудить. Да, это вполне разумная цель.

— Чтобы смягчить приговор, Её Величество и мы сделаем всё, что в наших силах. Вот только беспокоит то, что все наши попытки напрасны из-за одного коварного лжеца.

— Ох~ и что это за человек такой? Он, должно быть, тот ещё проходимец~

Парень сделал вид, будто ничего не понимал. Харо же прикусила губу.

— Я не буду просить тебя всё это делать... но ты можешь хотя бы молчать? Это сильно упростит нам дело.

— Могу, конечно, но бойкому Икте трудно молчать в таком месте.

— Чтобы достичь своего, тебе не обязательно умирать. Разочарование масс вполне может удовлетворить твоё тюремное заключение. Это может показаться ушло, но если мы будем опубликовывать отчёты о том, как тебя допрашивают каждый день и насколько сильно ты исхудал...

— То бишь... жить беззаботной жизнью в тюрьме?

— Верно. Если тебя это устроит, то я даже готова стать твоим соседом.

Могло показаться, будто она шутила, но Харо говорила вполне серьёзно. Парень радостно улыбнулся.

— Читать и спать сколько захочешь? А это неплохая жизнь. К тому же, если ты составишь мне компанию, то будет ещё лучше. Но всё же я вынужден отказаться.

Твёрдым тоном заявил Икта. Харо ещё раз прикусила губу.

— Есть изъяны в этом плане?

— Всего один... Это план не сможет защитить Шамию.

Неожиданная проблема потрясла Харо. Икта вздохнул с насмешкой над собой, и затем продолжил.

— Обидно, но план, который я пытаюсь реализовать сейчас, не является моей изначальной целью. Я рассматривал более лучшие варианты, и, если было бы возможно, то хотел бы, чтобы никто не погиб. Однако... это невозможно... ведь в противном случае я не смогу выполнить предварительное условие.

— Условие?

— Условие, при котором Шамию простит себя.

Как и ожидалось, здесь всплыло её имя. Парень одиноко улыбнулся растерянной Харо.

— Последние несколько лет это было моей целью. Ты вроде об этом знаешь.

— Да. Однако я не до конца тебя понимаю. Почему ты должен умереть, если Её Величество не может себя простить?

— Тут малость иначе. Если умру не я, то умрёт она. Она продолжит думать о смерти, ведь её причина никуда не исчезнет, и она не сможет найти то, ради чего жить. Пока эти три условия выполняются, люди неизбежно будут искать себе гибели. Шамию уже давно выжгла у себя в памяти два условия. Она всё ещё продолжает жить лишь из-за последнего пункта. Есть причина, по которой она ещё не покинула нас. Ей ещё осталось взять на себя ответственность как монарха за разложение нации.

— ...

— Однако, если я останусь в живых, она потеряет эту причину. Шамию просто подумает, что в стране всё будет хорошо, если она передаст её мне. В своём первоначальном плане она намеревалась объявить о поражении и встретить казнь как предательница. Ты ведь понимаешь? Парламент и Судебная Власть были созданы ей, чтобы управлять нацией без Императрицы. Это всё приготовления для страны после её смерти. Другими словами... я та причина, по которой она готова умереть, следовательно, мне надо себя убрать. Само моё существование мешает жизни этого ребёнка.

Твёрдо сказал Икта, а Харо затаила дыхание. Она тоже это понимала. С тех пор, как она впервые встретила Шамию, у этой девочки глубоко в сердце укоренилось чувство отвращения к себе и желание саморазрушения.

Будучи медиком, Харо понимала, что жажда смерти - самая серьёзная болезнь в мире. Заставить суицидального человека жить дальше невероятно сложно. Основные проблемы уникальны для каждого человека, и нет такого чудодейственного препарата, чтобы вылечить их.

— Мы убедим Её Величество и не допустим того, чтобы она так закончила. Поэтому...

— Я самый близкий для неё человек, но даже спустя столько лет я ничего не смог изменить. Прости, но я не думаю, что совместная работа что-то поменяет. Конечно, я не скажу, что это невозможно. Через 5 лет, 10 или больше она однажды преодолет эту психическую травму. Но, как ты знаешь, всё будет кончено, если она погибнет раньше. Если у человека есть на то желание, то он может даже откусить себе язык. Очевидно, что ты этого не предотвратишь, как бы тщательно ты не следила. Только отведи от неё взгляд, как она тут же погибнет.

Харо сжала кулаки. Он была прав. Это было самое страшное в самоубийстве. Пока люди питают жажду к смерти, борьба с этим побуждением будет продолжаться каждый день, и им

придётся каждый раз выходить победителями, чтобы выжить. С другой стороны, смерти достаточно победить всего один раз. Даже если предположить, что у жизни есть преимущество в 99,9%, то при простых подсчётах, такой человек умрёт в течение 1000 дней.

— Оставить Шамию в живых – для меня главный приоритет. Поэтому я, не сомневаясь, пойду ради этого до конца. Однако даже меня это бесит. По правде говоря, мне бы хотелось, что у неё была причина жить, а не причина умереть. Всё это время, проведённой с ней, я искал эту причину... но так и не нашёл. Я не смог добиться результата, а срок между тем истёк.

Его бессилие заставило Икту стиснуть зубы. Харо не знала, что и сказать... но в этот неожиданный момент от её имени заговорила другая девушка.

— И в этом весь сыр бор? Шамию то, Шамию это...

Икта поднял глаза, удивленный моментом смены личности.

— Патреншина?

— Мне то пофиг, но посмотри на Харо. Неужели ты не видишь человека перед собой? Не используй жизнь этой девки, чтобы остальные соглашались с твоими хотелками. Чувства Харо тоже имеют значение... Она хочет, чтобы ты жил несмотря ни на что. Своей головой ты ведь должен это понимать! Как кто-то может такое игнорировать, когда дело заходит за столь важного для него человека!?

Взволнованная Патреншина сказала всё это ради Харо, и лицо Икты нахмурилось от сожаления. Он был сосредоточен только на Шамию и игнорировал посетителя, пытающегося спасти его. Это было безнадежно глупо и жестоко с его стороны.

— Я никогда не оставлю тебя без внимания.

Он знал, что это прозвучало, как софистика, но это были его истинные непоколебимые чувства. Каменное лицо Патреншины, смотрящее на парня, сменилось спокойным выражением лица Харо.

— Прости. Позволила ей заговорить о моих истинных чувствах... Это моя не самая лучшая привычка.

— Это не так... По крайней мере, она заставила меня поделиться тем, что было на сердце.

Харо почувствовала сильное беспокойство, теплящееся у него глубоко внутри. Вздохнув, чтобы успокоиться, девушка медленно встала.

— Я понимаю, что не смогу тебя здесь переубедить, но знай... Мы не намерены сдаваться.

— Да. Как знал, что ты так скажешь.

С этими словами Харо просунула руки сквозь железные прутья. Икта спокойно обнял её в ответ. В прошлом это тепло спасло их обоих.

— Это определённо не прощальное объятие.

Сказала Харо, будто загадывала желание. Икта ничего не говорил в ответ и лишь сильнее прижал её к себе.

По дороге в столицу, окрашенной в красный цвет заходящим солнцем. Баки и Йорга бежали к особняку следующего авторитетного человека.

— Баки, ты слишком сильно усердствуешь. Сколько дней ты уже не спала?

— Я не против прилечь, но я не могу допустить смерти Икты-ни.

Девушка в белом халате ответила на беспокойство Йорга прерывистым дыханием. Они работали день и ночь, чтобы спасти Икту от казни.

— Если мы сможем избежать смертного приговора, то у нас появится больше времени. Над остальным уже подумает потом. Если бы только Икта-ни изо всех сил не пытался вынудить такой приговор, то это было бы не такой невероятно сложной задачей. Даже если свяжемся с участниками дела заранее, мы можем не успеть вовремя.

— Самая большая проблема в том, что мы не можем участвовать в судебном процессе. Подумать только, что близость с Её Величеством сыграет против нас.

Они были представителями власти, которые работали во дворце, и им не разрешалось участвовать в судебном заседании, созываемом обычными гражданами. У них не было возможности напрямую повлиять на результат приговора, поэтому оставалось лишь убедить тех, кого они могли.

Из-за нехватки кислорода в лёгких, скорость бега Баки замедлилась. Через некоторое время она достигла своего предела и остановилась.

— Прости, Йорга... не мог бы ты меня понести на себе? Я малость вздремну, пока мы не

доберёмся до следующего места.

— Давно уже пора. Залезай.

Йорга повернулся к ней спиной и присел на корточки. Девушка в белом халате сразу же задремала, облокотившись на его спину.

— Похоже нас ввели в заблуждения слова подсудимого.

На 11-ом слушании Икты дело внезапно пошло в другом направлении. Один мужчина встал и выразил мнение, отличное от того, о котором думали другие.

— Охладите свои головы, пожалуйста. Если всё, что он сказал, правда, то возникает слишком много противоречий. Подумайте об этом. Человек, спасший Империю из множества ужасных ситуаций, не стал бы делать что-то настолько саморазрушительное в мгновение ока.

Другая женщина подняла руку после этого и сказала что-то, что подтвердило его заявление.

— Согласна. Нам не стоит забывать о его достижениях, благодаря которым Имперская армия вырывала победы. То же самое и в финальной битве. Без его руководства армия Киоки уже, наверное, вторглась бы в столицу.

Слушатели начали поднимать руки один за другим, чтобы поддержать первого оратора. Наконец с ними договорились? Подумал Икта, слушая из центра зала. Чтобы ему не был вынесен смертный приговор, его товарищи вступили в сговор с участниками слушания, пытаясь изменить ход судебного процесса. Однако Икта намеревался пресечь это ещё в зародыше.

— О, вы, наконец, прознали об этом. Всё именно так. На самом деле у меня есть причины, которые заставят любого расплакаться. И я уверен, что вы тоже прослезитесь.

Икта прервал набирающие обороты этой темы. Он намеренно сказал это таким образом, что даже те, кто пытался ему помочь, нахмурились в замешательстве.

— Однако перед этим, не могли бы вы подождать? Я ещё не придумал слезливую историю. Наверное, попробую рассказать о том, как прощался с родителями. Или что там сильнее трогает людей?

Парень напрочь отказался от предложенной ему руки помощи. Несмотря на попытки Йорга и остальных отправить нужных людей в суд, всё это было бессмысленно, пока Икта продолжал

так демонстративно себя вести. С таким отношением у людей просто не будет возможности встать на его сторону.

Поздней ночью, как и в прошлый раз, Икта проводил свободное время в камере. Также он предсказал то, кто будет его следующим гостем.

— Ну вот ты и пришёл, партнёр.

Ответил Икта, лежа на своей койке, парню с нефритовыми глазами, который подошёл к железным прутьям. Торвэй сразу неловко улыбнулся.

— Харо уже рассказала, как ты... Выглядишь хорошо, Ик-кун.

— Суд подходит к финальной стадии, а мне бы хотелось сократить количество книг, которые я не читал, поэтому я занят каждый день.

Сказал Икта, листая страницы очередной книги. Торвэй сел перед камерой, посмотрел на Икту и сказал.

— Мне есть что сказать... Но перед этим у меня хорошие новости.

— Оу~ ты наконец-то стал мужчиной? И кто эта счастливица?

— Нет ещё. А сама новость намного лучше. Сушураф пришёл в сознание.

— Серьёзно?

Икта перестал листать книгу и привстал. Торвэй с улыбкой кивнул.

— Как замечательно. Не хотелось бы видеть лицо Сарихи после того, как его брат бы умер.

— Ему ещё предстоит долгий отдых, но, к счастью, он может полностью восстановится и в дальнейшем вернуться на службу. Я так рад этому. Учитывая, насколько серьёзны были его раны, мне казалось, что даже такой крепкий человек, как Сушураф, не выдержит.

Торвэй вздохнул с облегчением, а затем снова посмотрел прямо на Икту.

— Есть ещё одна новость, которая тебя определённо порадует.

— Хм? Так на тебя не похоже... говоришь такими окольными путями.

— Хаха, извини. В общем мы подтвердили, что бригадный генерал Сазаруф и подполковник Мелза живы и находятся в лагере для военнопленных в Киоке. Серьёзных травм у них нет.

Икта выронил книгу из рук и сказал дрожащим голосом.

— Он жив?

Он запретил себе хоть на что-то надеется. Информация, которую они могли получить на войне была ограничена, и он уже закопал своё сердце в ожидании любых новостей о его смерти. Однако временами удача была и на его стороне. Икта встал с койки, но потеряв равновесие, вернулся в прежнее положение.

— Хахаха... аж колени не держат. Пожалуй, эта самая лучшая новость, которую я слышал за последние годы...

Сказал Икта с сильным облегчением на сердце. Торвэй посмотрел на него с улыбкой и добавил.

— Пройдёт не мало времени, прежде чем мы вернём их через обмен военнопленными, но они точно вернутся. Нужно только дождаться.

— Да... рассчитываю на тебя. Передай ему, пожалуйста, что я ещё долго не забуду того, как он проигнорировал мой приказ.

Икта, как всегда, начал сводить всё в шутку. Однако Торвэй с серьёзным выражением лица покачал головой.

— Так передай ему сам, Ик-кун.

— ...

— Живи. Никто в этой стране не хочет, чтобы ты умер. Особенно это касается близких людей. Нам всем грустно от того, что ты не хочешь жить дальше. Мы найдём способ решить проблему Императрицы Шамию. Уж все вместе, мы найдём лучший способ. Как и всегда...

Торвэй говорил с сжатыми кулаками. Его непоколебимая вера в Рыцарский Орден ничуть не изменилась.

— Живи, Ик-кун. Я не хочу... я действительно не хочу, чтобы два человека, которыми я больше всего восхищаюсь, ушли раньше меня!

Торвэй повесил голову, схватив руками прутья. Икта подошёл к нему, как бы утешая друга.

— Ай...

Торвэй был застигнут врасплох ударом по лбу. Человек, который безжалостно ударил слезливого Торвэя, фыркнул.

— Ты всё ещё так отлично выглядишь, хотя столько плакал? Тц~ как же бесят икмены.

Беспричинно пожаловался Икта. Затем он выпрямился и посмотрел прямо на друга.

— Пусть твоё чувство восхищения закончится здесь. Мы с Ятори – солдаты прошлого. В будущем тобой тоже начнут восхищаться и тебе нужно к этому быть готовым. Негоже командующему таким подразделением быть таким скромным. Ты ведь понимаешь?

— ...

— Солдат, которого признала Ятори, и партнёр, которого признал я... Это ты, Торвэй Ремион. Думается, не это ли лучший источник уверенности? Или нашего мнения для тебя недостаточно?

— Конечно нет!

Когда Торвэй вскрикнул, Икта сразу улыбнулся. Даже когда его отчитывали, он не реагировал так же резко, как сейчас.

— Поэтому выпяти груди и скажи... "Остальное предоставь мне. Можешь помирать с миром". Только тогда я смогу сбросить груз с плеч.

Икта предложил ему сказать нечто столь высокомерное. Глаза Торвэя печально дрогнули.

— Я не могу такого сказать, Ик-кун... Боль от потери друга, от партнёра, похожа на чувство вины, которое я испытываю, когда стреляю в живое существо... Независимо от того, насколько я уверен в себе, я не смогу изменить эту часть себя.

Сказал парень, глядя на свою правую руку, которая бесчисленное множество раз спускала курок, и уносила жизни в прошлом... и ещё не раз унесёт в будущем. Торвэй Ремион столкнулся с этим лицом к лицу.

— Верно. Оставаться верным себе – это лучшее, что в тебе есть.

Мягко сказал Икта и похлопал его по плечу. Как человек, который собирался уйти первым, Икта призвал его не впадать в ярость и не перетруждать себя слишком сильно.

— Не забывай. Мой партнёр – это робкий славный парень... настолько симпатичный и крутой, что меня это постоянно бесит. К тому же ты самый лучший снайпер, которого я только знаю.

Это сцена словно из прошлого, - подумал Торвэй. Икта Солорк был с ним исключительно строг, но время, которое они проводили вместе, всегда было весёлым. Торвэй Ремион всегда будет гордиться тем, что был его напарником на поле боя.

— Слушатели всё хуже к нему относятся... И мы ничего не можем с этим поделать...

Когда он узнал о ходе судебного разбирательства, подавленный голос генерала Ремиона эхом разнёсся по конференц-залу. Члены Рыцарского Ордена, Суя, он и многие другие офицеры, которые чувствовали то же самое, пытались найти способ спасти Икту.

— Как насчёт объявления о военном положении? Под предлогом нестабильной ситуации в стране, можно отложить судебное разбирательство на неопределенный срок.

Молодой офицер предложил отчаянную идею. Его коллега напротив нахмурился.

— Подавление нации во имя поддержания порядка? Это худшее оправдание.

— Тогда что вы предлагаете!? Просто сидеть и ждать, пока его казнят!?

Разочарование от того, что они не находили решения, заставило офицеров встать и начать жаркий спор. Генерал Саба, не желая допускать шума, спокойно заявил.

— Успокойтесь и прекратите балаган. Не забывайте... Кто бы как не беспокоился, мы не должны делать ничего, что выходит за рамки военных. Этого нам нельзя нарушать.

Он предупредил своих разгорячённых подчиненных, чтобы они не были безрассудными. Увидев, как они нехотя успокаиваются, генерал Саба тихим голосом сказал офицеру, который сидел с ним рядом.

— Разве что, если он этого не захочет... Верно, почётный маршал Игсем?

Красноволосый генерал ответил молчанием. Если Икта пожелает о спасении, то они без сомнений оставят свои обязанности в армии и немедленно примут меры. Но в то же время они

понимали, что такого никогда не произойдёт.

В ночь через пять дней после визита Торвэя. По громким шагам, что разносились по всей тюрьме, Икта сразу определил того, кто пришёл к нему на этот раз.

— Наконец-то твоя очередь, да? Мой дорогой друг Мэттью...

Слегка пухлый парень стоял перед камерой, расставив ноги и держа в руках большой свёрток. Икта подошёл вплотную и подставил щёку Мэттью. При желании он мог спокойно до него дотянуться через решётку.

— ...

— Что такое? Разве не хочешь ударить?

Икта посмотрел на кулак собеседника, который, к его удивлению, на него не замахнулся. Немного подумав, Мэттью недовольно сказал.

— Очень хотелось, но я сдержался. Если я тебе сейчас вдарю, то тебе станет только легче.

Когда он услышал это, лицо Икты впервые задёргалось с тех пор, как к нему приходила Суя.

— Какая ужасающая аура. Видимо, сильнее всего разозлился именно ты, Мэттью...

— А по-другому и быть не могло. Ты держал нас в неведении и предал, ничего не обсудив с нам... К тому же сейчас ты не собираешься отступить.

Мэттью впился в него взглядом, перечисляя проступки Икты, а затем продолжил еле сдерживаясь.

— Не думай, что я буду таким же нежным, как Харо или Торвэй... Мне никогда в голову не приходила мысль, чтобы насильно заставить тебя жить.

— Если я сейчас с тобой поругаюсь, то я однозначно проиграю. Но всё же, вытаскивать меня из камеры бессмысленно.

— Я и не думал убеждать тебя грубой силой... Поэтому соревноваться мы будем иначе.

Мэттью положил свёрток на пол и раскрыл его. Внутри были тяжелые игральные фигуры. По качеству они были великолепными, и Мэттью очень ими дорожил.

— Шахматы?

— Уже не помню, сколько раз тебе проигрывал, и ты, наверное, никогда не играл в полную силу... Но этому пришёл конец.

Заявил Мэттью и медленно сел перед доской.

— Давай устроим матч на саму жизнь. Икта... если ты выиграешь, то можешь делать, как знаешь. Но если выиграю я, то ты будешь жить. Все проблемы, которые возникнут в дальнейшем, я сам решу.

Он уверенно заявил, и Икта удивленно спросил.

— А как конкретно ты это сделаешь?

— Я пока об этом не думал, но скоро займусь этим вопросом. Кстати, разве такое сейчас надо спрашивать? Шахматы – это игра интеллектов, и я тебя одолею. Поскольку я умнее тебя, то придумаю то, о чём ты не в состоянии подумать.

Смело заявил Мэттью, расставляя фигуры на своей половине. Видя, насколько в себе уверен его соперник, Икта смиренно сел напротив.

— Боюсь-боюсь... Думается, сейчас ты самый крутой человек в мире.

— Крутой я или нет... сейчас это не важно. Мне просто нужно быть лучше тебя. Ладно, давай посмотрим, кто ходит первым.

По настоянию Мэттью Икта схватил две фигуры с каждой стороны и зажал в ладонях. Пухлый парень без сомнений указал на правую руку, и право первого хода досталось ему.

— Я первый. Икта... если не хочешь проиграть, не сдерживайся.

— Я и не собирался, Мэттью. В противном случае это бы ничем не отличалось от самоубийства.

Икта принял вызов и пообещал выложиться на полную. Они оба сосредоточились на доске, и вот впервые в жизни между ними начался серьёзный матч.

С столицы республики Киоки, Норандот, в обители учёных, в лаборатории Анарая Кана, построенной на окраине.

— Профессор, о чём думает Икта?

Сказал Бажин, глядя в микроскоп. Анарай, рассекавший листья одного растения, осторожно переместил хирургический нож и ответил.

— Точно не скажешь, но он определённо жертвует своим временем осмысленно. Как никак он дорожит своими друзьями.

Твёрдо заявил старик. Его ученик пошёл своей дорогой, отличной от него, и их последний разговор всё ещё был свеж в памяти профессора.

— Икта сказал, что у него много товарищей в Империи. Вот почему, какой бы путь он ни выбрал, он никогда не будет идти один. Рядом с ним всегда будут идти другие. Нас это, конечно, тоже касается.

Сказав это твердым тоном, Анарай продолжил научные исследования. Он не изменился после их прощания и искренне пожелал, чтобы духи осветили Икте Солорку путь своей любовью.

Время потеряло значение, и они оба вошли в транс полной концентрации.

С осознанием до них дошло, что матч длился два дня и две ночи.

— ...

— ...

Ограничения по времени у них не было. Они оба приняли это условие и взялись за этот матч. Каждое их движение перемалывало их души, и каждый делал один ход за другим. Матч был равным, несмотря на то что доска постоянно менялась, так как они стремительно отнимали преимущество друг у друга.

— ...

И вот, их матч подошёл к концу. Хрупкое равновесие, которое, казалось, будет длиться вечно, наконец рухнуло.

— ...

Фигуры, защищающие короля Мэттью, продолжали менять положение, чтобы защититься от атак противника, и образовали еле заметную брешь. Мат был поставлен через 10 последовательных ходов путём четырёх разных фигур.

Мэттью осознал это на шаг позже. Можно было бы даже сказать, что это чудо, что он смог это заметить. То был уникальный стиль, не записанный ни в одном справочнике, и был нечто уникальным для Икты Солорка. Когда красноволосая девушка была ещё жива, он придумал эту секретную тактику, чтобы однажды использовать её против неё.

— Нет...

Столкнувшись с ходами, которые были кристаллизацией чистого интеллекта, Мэттью Тетдрич после долгих обдумываний понял, что его королю не сбежать. Однако он не собирался отступать. Он поставил всё на то, что его противник не заметит возможности поставить мат, и сражался до конца. И, наконец, темноволосый парень выдал из себя слова, которые отражали состояние его сердца.

— Мне казалось...

Пока его противник опускал голову, Икта тихо сказал, прикладывая ладонь ко лбу после долгой паузы.

— Моя голова вот-вот взорвётся. Каждый ход ощущался таким резким, и это чтение шагов наперёд заставляло меня забывать дышать, особенно я задыхался от твоей обороны. Матч получился и вправду на славу. Воу... меня аж до сих пор трясёт. Подумать только, что под конец именно ты подарил мне самую потрясающую партию в моей жизни...

Икта продолжил говорить, однако его подача изменилась из-за его эмоций. Затем он вспомнил о том, сколько раз попадал в затруднительное положение и сколько раз происходило обратное. Он не мог не заметить, как его оппонент тоже справлялся со всем этим.

— Эта моя последняя партия. Однако ты со временем станешь сильнее. Возможно даже превзойдёшь меня с Ятори. Жаль только, что я не застаю этого момента...

От этого нового сожаления у Икты в груди всё сжалось. В этот момент Мэттью, сидевший напротив, сказал хриплым голосом, смотря на доску.

— Уходишь после того, как ты меня обскакал!? Ты! До самого конца... ты...

Слезы упали на доску вместе с его всхлипом. Икта подумал о бурных эмоциях, вложенных в этот матч, и о том, как усердно Мэттью шёл к этому моменту. Икта дрожал от благодарности за

невероятные усилия его друга и почувствовал, что ему невероятно с ним повезло.

— Верно, я уйду, пока впереди. Навряд ли я смогу тебя победить, если у нас будет матч-реванш. Однако, прежде чем я тебя покину, я хочу тебе кое-что сказать.

Икта протянул руки сквозь решетку. Он наклонился к склоненной голове Мэттью, их лбы почти соприкоснулись. Он ощущал дыхание Мэттью, пока его слезы текли по щекам.

— Спасибо тебе, мой дорогой друг Мэттью... Время, проведенной с тобой, для меня большая честь...

Этим Икта выразил свою глубочайшую благодарность. Мэттью пытался спасти его до самого конца и никогда не отказывался посоревноваться с ним. От этого Икте хотелось похвастаться перед целым миром, что у него такой замечательный друг.

После долгой серии слушаний долгий процесс наконец подошел к концу.

— Прошёл 21 день с момента начала дела над подсудимым. Недосказанного не осталось, и мы достаточно всё обдумали.

Объявил судья суровым голосом. Только в этот день все присутствующие спокойно ожидали его продолжения.

— Слушайте внимательно, подсудимый Икта Солорк. Сейчас я зачитаю ваш приговор.

Это был единственный раз, когда темноволосого парня не привязали к стулу, и сейчас он стоял в центре зала. Судья, который его неоднократно предупреждал, объявил.

— Преступления подсудимого порочны и омерзительны. Интриги против Императрицы ещё сильнее усугубляют его грехи. Потеря родителей в столь юном возрасте является поводом для сочувствия, но это не может смягчить его преступлений...

— ...

— Совершение государственной измены, будучи на посту Маршала, нанесло неизмеримо негативное воздействие на нацию. Его чудовищные преступления привели к потерям астрономического уровня, и их практически невозможно исправить. Следовательно... единственный способ для подсудимого заплатить за свои преступления – это очистить своё тело и душу посредством самого сурового наказания.

Икта грубо перевёл это преувеличенное заявление у себя в голове. Проще говоря... "вы сильно обидели общество и никак не можете ему отплатить за свои преступления, поэтому хотя бы примете своё наказание и внесёте вклад в жизнь общества, подавая этим пример". Вполне адекватное решение, - неловко улыбнулся он.

— За ваши преступления...

Судья остановился на этом моменте. Каждый мог сказать, какими словами он закончит это дело.

— Я приговариваю подсудимого Икту Солорка к смертной казни путем публичного обезглавливания.

В его приговоре не было ничего удивительного. Это более чем адекватное и рациональное решение.

— Приговор вынесен. Однако, прежде чем мы закончим суд, подсудимому Икте Солорку разрешено сделать своё последнее заявление. Вы можете выразить любое недовольство чем-либо, и в целом можете говорить свободно.

Судья предоставил ему эту возможность в соответствии с процедурами. Икта оглянулся в зале и затем...

— Что ж, тогда... "Никогда не забывайте этого предателя".

Твёрдо сказал он толпе. Участники пришли в недоумение, и они даже усомнились в своём слухе, когда молодой человек сделал заявление таким серьёзным тоном, которого до сих пор не демонстрировал на суде.

— Герои, которым можно безоговорочно доверять, никогда не существовали и в помине. Будь то Император или кто-либо ещё, есть предел тому, что может сделать один человек. Рано или поздно вода начнёт выливаться за края, и такому человеку придётся выбирать между отречением от бремени или её уничтожением. Те, кто попытаются его уничтожить - предатели, а те, кто от него отрекутся - безумцы. Оба сценария влекут лишь серьёзный ущерб стране. Если бремя не распределено должным образом, то это ничем не отличается от рытья себе могилы. Надеюсь, что каждый это запомнит.

В Империи уже было совершено бесчисленное количество ошибок, и они потеряли слишком многих. По крайней мере, люди должны учиться на этих ошибках.

— Можно уважать человека как лидера, но его всегда нужно ставить под сомнение. Вы должны постоянно сомневаться в его воле и в том, действительно ли его действия соответствуют вашим ожиданиям. Если пренебречь таким надзором, то появятся такие, как я... притворяющиеся

герои, уважаемые массами, которые используют свой статус лишь для обогащения. Такие люди, как я, никогда не исчезнут. Не позволяйте им брать на себя руководящую роль, или в ином случае, немедленно объявляете им импичмент... это ваша обязанность. Важная ответственность, которая напрямую влияет на ваше счастье.

Удивительно, но шума в зале не было. Слушатели смотрели на Икту и ждали, пока он продолжит. Все они инстинктивно почувствовали, что парень впервые озвучивает свои истинные мысли.

— Я рад, что все присутствующие были возмущены моими действиями. Если бы этого не было, то страна, считай, была бы обречена. Однако ещё не поздно. Дорога до этого момента была тернистой, но Парламент и Судебная Власть проявят себя к лучшему. Возможно, этот свет погаснет в любой момент, но вы подарили мне надежду. Надеюсь, вы позволите мне представить тот день, когда эта страна больше никогда не будет полагаться на героев.

Икта внезапно улыбнулся, а затем посмотрел на людей в зале, которые вместе с ним прошли через это долгое испытание.

— Простите за множество безрассудных действий... Ах да, позвольте ещё кое-что сказать. Мне кажется, что у подсудимого должно быть сиденье получше. Для каждого слушания следует установить временные рамки, чтобы судебное разбирательство не превращалось в жестокие словесные выпады против истощенного подсудимого. В качестве ориентира можете взять Парламент Киоки, поскольку они совершенствовали эту систему в течение прошлого века.

Он указывал на недостатки и в простой манере давал советы. Некоторые из слушателей неловко улыбнулись, а затем про себя отметили проблемы, на которые он указывал. Оглядываясь назад, они могли сказать, что разбирательство могло пройти намного лучше.

— Я уже вроде достаточно сказал, поэтому на этом закончу. Ваше честь, сделайте заключительное заявление.

Парень вернул слово судье, высказав своё мнение. Судья уставился на него и сказал.

— Икта Солорк, вы...

Он остановился на полуслове. Сейчас уже не было смысла что-либо говорить. Приговор должен быть приведен в исполнение, и это приняли и участники, и подсудимый. Организация всё ещё была неопытной, но они завершили слушание по-своему. Итак, им пришлось принять такое заключение.

— Нет, ничего. Приговор вынесен, а судебный процесс завершен. Первое дело на этом рассмотрено. Всем встать.

После этих слов, все присутствующие встали и поклонились. Спасибо за ваш тяжёлый труд, - про себя сказал Икта, глядя на окружающих.

Ночью, после того как его обратно отправили в камеру, девушка, скинувшая с себя своё сопровождение, мчалась по коридору туда, где он находился.

— Ха... ха... ха... ха...

Она подошла к решетке и уставилась прямо на него. Книги, которые он читал, были сложены стопкой на его койке, а сам Икта Солорк сидел на полу и ожидал её прибытия.

— Привет Шамию... давно не виделись. Ты сбежала из дворца? Так тяжело дышишь. Выпей водички для начала.

Парень взял флягу с водой и налил немного в чашку. Императрица хотела проигнорировать его и заговорить, но из-за прерывистого дыхания она ничего не могла сказать. У неё не оставалось выбора, кроме как схватить чашку и выпить содержимое.

— Хаа... хаа... фу... фух...

Ей потребовалось некоторое время, чтобы наладить своё дыхание, и Икта тихо её дожидался. Когда она была готова, Шамию глубоко вздохнула.

— Какой же ты дурак!

Она закричала достаточно громко, чтобы её услышала вся тюрьма. Когда эхо утихло, Икта удивленно посмотрел на неё.

— Аж в ушах зазвенело. Ты просто невероятна, Шамию. У тебя действительно громкий голос.

— Опять ты за старое! Ты ведь всё понимаешь! Знаешь, что наделал, и чего это будет тебе стоить!

— Конечно знаю... Утром, через три дня, мой смертный приговор будет приведен в исполнение перед собором в Столице Империи, Банхатал. Это будет казнь через гильотину по решению суда. До этого момента я буду неспешно сидеть здесь. Мне могут принести сюда всё, что я захочу. Это так удобно.

Сказал он с улыбкой. Пока девушка стиснула зубы перед ним, он поднял своего партнера с

кровати.

— Поскольку суд закончился, они наконец вернули мне Кусу. Мне было так неловко без него. Из-за постоянных звонков коммуникационная функция была отключена. Тебя это тоже касается. Уж извини, но я не мог с тобой связаться.

Попросил прощения Икта. Шамию медленно вздохнула, чтобы успокоить нервы, а затем сказала подавленным голосом.

— Солорк... ещё не поздно. Беги отсюда.

— ...

— Приговор суда не может быть отменён. Но ещё есть способ избежать смертного приговора. Подойдёт любая причина... К примеру, новость о том, что ты умер от неизвестной болезни в камере. Можно ведь взять себе другое имя и жить в другом месте. Я легко тебе помогу, поэтому...

Девушка призывала его бежать из тюрьмы. На мгновение парень одиноко улыбнулся.

— Многие солдаты погибли в финальном сражении с Киокой. Они сражались под моим командованием и верили, что мы победим. Я не могу их предать, инсценировав свою смерть.

— Это не твой грех! Ты отнял его у меня! Почему... почему ты не позволил мне заявить об этом? Это должна была сделать я! Меня должны были судить за измену! Не тебя! Ты забрал всё... всё, что я так готовила... всё выскользнуло из-за тебя!

Девушка вскрикнула от накипевших эмоций. Икта кивнул.

— Верно, я всё отнял... потому что ты себя ещё не простила.

— Это единственный способ искупить грехи! Искупить преступления родословной Вечного Древа Духов! Мне нужно под корень уничтожить Императорскую семью и встретить свою казнь, будучи последним наследником этой родословной! Только тогда я смогу сгореть в адском пламени, как и должна! Я смогу искупить эти грехи лишь покончив со своей жалкой жизнью!

Девушка озвучила свою цель безумным тоном. Икта посмотрел на её истинное "я", на которое он не раз заглядывал.

— Что касается вопроса о грехе, то твои и мои аргументы всегда шли параллельно друг другу. Я настаиваю на том, что их нет, в то время как ты утверждаешь, что они существуют, и

отказываешься отступить. Я могу понять твоё желание, если кто-то требует от тебя искупления. Но таких нет. Ни один человек в Империи не будет счастлив от того, чтобы ты пожертвовала собой. Следовательно... разве твои грехи не простое заблуждение в твоей голове?

— Нет! Это не так, Солорк! А что о мёртвых, похороненных историей!? О людях, которые не могли даже жаловаться, о жизнях, растоптанных моими предками!? Некоторые даже не могут заявить о своей обиде! Однако она очевидно ясна! Зло Вечного Древа Духов не исчезнет со временем! Грех будет вечно следовать за родословной! Это часть моей запятнанной плоти и крови, и она всё ещё теплится во мне!

— Когда мы впервые встретились, я вкусил твою кровь! По твоей логике, я тоже запятнан! Но я ещё жив и здоров и никак не заболел! Тебе не кажется это странным!?

Голос Икты стал взволнованным из-за её напряженности. Чувствуя направление их разговора, Шамию твердо покачала головой.

— Нет, Солорк. Я не пытаюсь спорить с тобой или опровергать твоё мнение. Я просто... просто не хочу, чтобы ты умер. И больше ничего. Я хочу, чтобы ты жил!

— Я двиним тем же желанием, которое привело тебя сюда... Как же всё сложно. Ты хочешь умереть и при этом настаиваешь, чтобы я жил. Однако я хочу заставить тебя жить и для этого мне нужно умереть. Мы оба разделяем одно и то же желание, чтобы другой продолжал жить, но смерть обязательно унесёт за собой одного.

Сказав это тяжелым тоном, Икта остановился. Он задумался на мгновение, а затем изменил свой подход.

— Давай представим будущее, в котором ни ты, ни я не умрём. Это то, чего я добивался в последние годы. Поскольку ты не хочешь, чтобы я погибал, несмотря ни на что... тогда, Шамию... согласишься ли ты с моим планом?

Плечи девушки задрожали, и Икта всё понял. Он знал, что она никогда не примет такое предложение, и продолжил.

— Как ты мне предлагала, мы оба можем инсценировать наши смерти и сбежать отсюда. Мы изменим наши имена, дом и сам образ жизни. Как насчёт того, чтобы далеко-далеко отсюда быть фермерами на краю какой-нибудь Киоки? Беззаботная жизнь мне подходит, и я считаю, что она подходит тебе больше, чем жизнь во дворце. Конечно же, у жизни в глуши есть свои невзгоды и неприятности, но по крайней мере, мы оба сможем продолжать жить.

Шамию повесила голову и молча вздрогнула. Она никогда не согласится на его предложение, но и не сможет отказать ему вслух. Его доброта по-настоящему сделала её счастливой, но она не могла пойти ему на встречу, так как искренне желала покончить с собой. Икта ясно видел

её борьбу.

— Если бы всё можно было решить моим присутствием, то мы бы как-нибудь справились... но всё не так просто. Ты категорически отказываешься от счастливого будущего, в том числе и от своего существования. Дело не в том, что ты не можешь найти путь к счастью. Ты просто мешаешь сама себе.

— ...

— Ты должна понимать, что это проклятие наложил на тебя Арио Кьякуши, когда ты была маленькой. Вложил в тебя это с определённым умыслом. Кто выиграет от того, если ты расстанешься со своей жизнью из-за этого? Кто будет этому рад? Даже Арио Кьякуши этого не хочет. Идея, которую он тебе вложил, была лишь подготовкой для вторжения в Империю. А теперь это уже спорный момент. Сама идея в твоей голове – это лишь остатки проклятия, утратившего своё предназначение.

Он знал, что так жестоко говорить, но Икта всё же сказал это вслух. Он потянулся к решетке, которая стояла между ними.

— Послушай, Шамию... тебе нужно провести черту. Искривленная идея, навешенная другими, и твои собственные ценности. Если ты их чётко не разделишь, то не сможешь увидеть свою истинную природу как человека. Ты ещё не видела своей истинной формы души.

— Формы души?

— Это моё последнее дело. Я хочу выкопать опухоль, заставляющую тебя искать смерти, и вырезать её из твоей души. Процесс будет болезненным, и у тебя потечёт кровь, которую ты так ненавидишь... но это необходимое лечение. В этот решающий момент, когда надвигается день моей казни... это, пожалуй, лучшее время, чтобы чётко увидеть форму твоей души.

Заявил Икта, прямо смотря ей в глаза. Шамию почувствовала, что что-то вот-вот должно произойти, и рефлекторно забеспокоилась.

— Первый вопрос. Долго не думай и отвечай прямо... Ты любишь или ненавидишь людей?

Он спросил нечто необычное. Было трудно понять его намерения, но он ясно показывал свою твёрдую решимость. Шамию ответила.

№— Люблю. Мне всегда нравились жизни людей и сцены, в которых они взаимодействуют друг с другом.

— Это я знаю... Песочница была очень интересной. Хотелось бы ещё раз с ней поиграть.

Икта улыбнулся, когда вспомнил о прошлых событиях. Шамию же вспомнила о многочисленных попытках парня, который старался быть рядом с ней, и почувствовала тупую боль в груди.

— Второй вопрос... Существует деревня, в которой люди вялые и ленивые. Что ты с ними сделаешь?

Этот вопрос принял другую направленность в отличие от предыдущего. Девушка сразу ответила.

— Ничего страшного, если они счастливы. Но если это не так, то я хочу указать им направление, в котором они найдут своё счастье. А потом... хотя нет...

Она остановилась, не закончив мысль, но Икта не позволил ей этого сделать.

— Не останавливайся. Что ты хотела сказать? Не сдерживайся... говори как есть.

Его требование заставило Шамию затаить дыхание. После некоторого сомнения девушка ответила, опустив голову.

— Если бы было возможно, то я бы хотела испытать счастья, строя с ними отношения. Но это желание слишком своевольное, поэтому я не решилась об этом говорить.

— Понятно. Но всё же жители деревни не считают тебя своевольной, и это не вызывает никаких проблем. Тебе не кажется, что ты не единственная, кто должна судить об этом? Разве они тоже не должны принять в этом участие?

Он указал на сдержанность, застрявшую в её уме, и продолжил, упомянув следующее.

— Третий вопрос... У ребёнка жестокие родители. Жители деревни, которых избили эти родители, потребовали, чтобы их ребёнок искупил их преступление. Он в этом виновен? Да или нет?

На этот раз она ответила не сразу. Серьезно порассуждав, Шамию с горечью сказала.

— Я не могу на это ответить. Где мне провести черту преступления? Это связано с самой этикой. Как сторонний наблюдатель, я не могу это комментировать.

— Понимаю, но что, если ты глава этой деревни? Какого будет твоё мнение?

— Если бы я оказалась в таком положении, то я бы не стала наказывать ребёнка. Я бы

постаралась в максимально возможной степени искоренить преступления путём ассоциаций и воспитать этические взгляды, уважающие индивидуальность человека. Если бы мне позволили переназначить определение преступности, то я бы сформулировала его как нечто вытекающее из собственного суждения и действий, а не что-то прикованное к каким-то богам или родителям.

Шамию бегло изложила свой идеал лидера. Икта сказал с весёлой улыбкой.

— Вот он ответ. Самый большой ключ, который отделяет твою душу от опухоли. Примитивное преступление по ассоциации между родителем и ребёнком и преступление по ассоциации с императорской семьей. По структуре они считай, что идентичны. Однако ты отказываешься признавать первое, но думаешь, что второе применимо к тебе.

— ...

— Ты знаешь, откуда берётся это противоречие? Ты ошиблась в последовательности. Преступления по вине императорской семьи... Ты взяла на себя эти грехи не потому, что считаешь эту теорию верной. Напротив... ты хочешь взять их на себя, потому что принимаешь нелогичное происхождение императорской родословной. Необоснованное наказание, применимое только к тебе одной – это твой извращённый взгляд. Хотя, с другой стороны, ты не позволяешь детям, которых ты даже не знаешь, брать на себя ответственность за проступки своих родителей. Это всё из-за твоего изначального чувства ценностей.

Сердце Шамию бешено заколотилось... он был прав. Та же логика должна быть применима к аналогичным примерам, но она была виновата, в то время как другой ребёнок был невиновен. Противоречие на лицо. Доказывало ли это, что она видела собственные преступления через искажённую призму восприятия?

— Ты используешь императорскую родословную как основу своего отвращения. Всё не из-за преступлений, совершённых императорской семьей, а из-за собственных эмоций ненависти к себе. Но подумай об этом. Это действительно то, о чём ты думала с самого начала?

Икта твёрдо поставил этот вопрос под сомнение. Видение Шамию закружилось. Когда она была ещё маленькой, было время, когда она не ненавидела себя. Но что это изменило? Кто её на это подтолкнул?

— Ах... ха...

— Вспомни, Шамию! Ощути это проклятие! Все твои мысли направлены на то, чтобы заставить тебя себя ненавидеть! Выкинь это отвращение к себе, которое в тебе заложено, и то, что останется – будет настоящая ты, которой тебе следует дорожить!

В её сознании всплыли воспоминания, похороненные глубоко в её сердце. Образ того человека, который с улыбкой говорил, что ей грустно, и его заявление о том, что её родословная

испорчена, стали чёткими. Она даже вспомнила, как ей было одиноко, когда она согласилась с этим. Верно. Её совершенная ненависть к себе зародилась в глубине её сердца. Это была зловещая колючая лоза, выросшая из семени, посаженного этим человеком.

— Но я...

Почему она не могла отвергнуть это семя? Всё из-за того, что она была молода и слепо верила другой стороне? Возможно, это одна из причин. Однако было ещё кое-что. Её юное "я" понимало, что из этого семени однажды вырастет колючая лоза, и она сама забрела в ловушку. Она всё знала, но её юное "я" желало этого семени, поскольку...

— Меня никогда раньше не любили...

Она указала на пустоту, которую чувствовала в начале. Когда парень посмотрел на неё с грустным видом, девушка вспомнила прошлую себя. Верно. Это была главная причина, по которой она приняла это семя. В тот день она не могла выносить бесплодную пустоту в своём сердце, ведь поле в её душе было без единого саженца.

— После того, как меня отправили в Киоку, я окончательно убедилась, что меня никто не любит... Мой отец ненавидел само моё существование и хотел меня задушить... Моя мама никогда не кормила меня грудью... Даже моя няня сводила со мной контакт к минимуму, чтобы оградиться от опасности... В том месте не было любви... Даже когда я пыталась полюбить себя, я не понимала, что это вообще такое...

— ...

— Во время моего пребывания в Киоке Арио Кьякуши научил меня ненавидеть себя, чтобы заменить любовь.... Так я пришла к ненависти на замену незнанию любви... Я всё ненавидела и ненавидела себя, но моя душа не находила покоя... так я пришла к странному выводу... Я согласилась с тем, что "моя жизнь так мучительна, поскольку само моё существование – зло"... Вот почему я пришла к мысли об очищении... Я поверила в то, что должна отплатить за причинённое зло моим телом... Вскоре после этого я начала считать императорскую родословную истинным злом... Я осознала, что моя цель в жизни – уничтожить Империю Вечного Древа Духов...

Шамию призналась спокойным тоном. Девочка, никем не любимая, создала в уме религию ненависти к себе. Культ, ищущий искупление через самоуничтожение. Но даже такое могло заполнить её сердце. Отвращение к себе было всяко лучше пустоты.

— Моя жизнь началась с ненависти к себе... Но ты говоришь, что это проклятие, и мне нужно полностью избавиться от него, чтобы увидеть себя настоящей... Но что с пустотой? Если я лишусь этой ненависти, то, что останется? У меня не будет ни причины куда-либо идти, ни стремиться к чему-либо... Как только я её потеряю, у такого ущербного человека, как я, ничего не останется...

Спасаясь от этой пустоты, она наполняла свою душу ненавистью к себе. Девушка снова столкнулась с этим фактом... её никогда не любили. Даже её отношение к себе, как к источнику всего зла, было не более чем обманом, возникшем из-за пустоты, образовавшейся из-за отсутствия любви. Но сейчас осознав это... куда ей идти? Она даже не могла поставить своей целью саморазрушение. На что ей теперь опереться?

Две руки нежно обняли запаниковавшую девушку. Парень прекрасно понимал пустоту, которая была для неё куда болезненней, чем отвращение к себе. Эта боль была настолько сильной, что её ненависть даже переросла в её искупление.

— Это не так, Шамию.

Сказал Икта, когда всё понял. Шамию медленно перевела свои пустые глаза на парня.

— Солорк?

— Разве ты не говорила, что любишь людей? Что тебе нравится жизнь, созданная их взаимодействием? У того, у кого ничего нет, такого не скажет. Значит у тебя есть что-то. У настоящей тебя множество ослепительных надежд.

— ...

— Ты ведь сама сказала, что хочешь повести людей к счастью. Хочешь, чтобы отношения с ними приносили удовлетворение. Я не знаю никого с таким прекрасным желанием. Большинство людей следуют эгоистичному пути и ищут личной выгоды. Они даже не подумают, что их собственные достижения связаны с достижениями других. Но ты осознала это с самого начала. Принося счастье другим, ты, в свою очередь, сама становишься счастливой. Твой чистый разум уверен в этом цикле счастья. Разве ты не понимаешь, насколько это удивительно? Я вот прекрасно понимаю. Шамию... ты родилась с красивым сердцем.

Говоря это, парень вложил в свои объятия ещё больше сил. Он был уверен, что держит что-то более ценное, чем любые другие драгоценные камни.

— Ты ещё не забыла? Когда Баки впервые пришла во дворец, она задала тебе вопрос... Ты хочешь спасти людей? Или их наказать? Ты, не задумываясь, ответила, что хочешь спасти. В тот момент я увидел красоту твоей природы. Поэтому мне трудно думать иначе. Как бы я ни старался, мне никогда такое не испытать.

Сказал Икта, задумавшись о другом. Девушка не должна быть единственной, кто обнажает свою душу.

— Я тебе ещё не рассказывал, но вообще-то... я остаюсь здесь отчасти потому, что так хочу.

Это противоположно твоему желанию уничтожить Империю. Я наконец готов принять то, что хочу быть здесь.

— Желанию?

Тема сместилась в неожиданном направлении, отчего Шамию широко открыла глаза. Икта про себя посмеялся над собой.

— Верно. Как бы там ни было, даже сейчас я от всей души желаю Империи смерти.

Парень раскрыл свои негативные эмоции потерявшей дар речи девушке.

— Это не в моём стиле что-то ненавидеть. По отношению к людям уж точно, но это не совсем так, когда мы говорим о стране. Ненависть – это не то, что можно контролировать. Людям свойственно направлять свою злобу на что-то менее массовое. Однако я так думать не могу. Из-за неизбежных событий я потерял многих важных для меня людей. Империя забрала у меня слишком многое. Отец, мать, Ятори... Тринсай Изанма – это просто заблудший цветок, который распустился на этой земле. Чем больше я это осознавал, тем сильнее ненавидел эту страну. А назначение меня Маршалом лишь усилило этот эффект. Поскольку, обладая властью, я был в состоянии контролировать нацию, моя ненависть отныне была не просто бессильной.

С горечью сказал Икта, подумав. Обладание такой властью было колыбелью для разжигания ненависти. Если бы его не назначили Маршалом, он не смог бы контролировать такую могущественную организацию и не смог бы отомстить огромной Империи. Возможность, которая витает на расстоянии руки, легко усиливает эмоции человека. И Икта Солорк не стал исключением.

— Я спросил тебя, любишь ли ты или ненавидишь людей? Ты моментально ответила, что любишь. Однако я не могу так сразу ответить на этот вопрос. Когда я слышу слово "люди", я неосознанно думаю о гражданах Империи. О многих безымянных и неизвестных людях, проживающих в этой стране. И знаешь что? Я их ненавижу. Их не волнуют политические и военные вопросы, и они просто живут себе на своей волне. Когда приходит беда, они без зазрения совести обращаются к военным. От такого образа жизни мне становится тошно. Я просто не могу не думать, что если бы они правильно отыгрывали свою роль граждан, то важные для меня люди не погибли бы.

— Но...

— Да, переворот уничтожил почти всех коррумпированных дворян. И все проблемы кроились в конкретных людях. Однако прямо сейчас я не испытываю ненависти ни к армии, ни к дворянам Империи... а ко всем остальным. К этим апатичным людям, которым всё равно. К тем людям, на которых ты смотришь любящими глазами, но которые с каждым днём становятся в моих глазах всё уродливее.

— ...

— По мере того, как моё желание становилось всё сильнее со временем, я понял... Однажды я отомщу этой стране. Когда я больше не смогу подавлять ненависть в своём сердце, я стану жутким монстром, которого вы не узнаете. Я чувствую, как эта эмоция быстро разрастается в моём сознании.

Руки Икты дрожали. Он натянуто улыбнулся девушке, думая о том, что в жизни он умрёт либо героем, либо проживёт достаточно долго, чтобы стать злодеем.

— Собственно, я и поменялся с тобой ролями... Уж прости, Шамию. Желание, чтобы ты продолжала жить, - является лишь половиной причины. Другая половина заключалась в этом. Я хочу, чтобы человек, который предал страну, был именно я. Я хочу поиздеваться над ними в суде и ткнуть им носом в их ошибки. Не думая ни о чём другом, я просто хотел им сказать, что безразличие - самый серьёзный грех.

— ...

— Смертная казнь в определенном смысле оправдана, ведь однажды я точно стану врагом этого государства. Более того... благодаря предательству я чувствую себя превосходно. Прямо сейчас моё сердце считает, что после совершённой мести, я могу спокойно уходить на покой. Вот почему... я не желаю, чтобы ты брала на себя эту роль.

Раскрыв причины, которые привели к такому его решению, Икта почувствовал, как с его плеч свалился титанический груз. Судя по тому, что он сказал, его работа подходила к концу.

— "Империя" скоро будет разрушена. Так ведь, Шамию? Люди откажутся от своей опоры на вооруженные силы, поскольку имперское управление со временем передаст власть народу. Из-за моего предательства это изменение лишь ускорилось. Для меня это даже честь. Это более чем отличный компромисс.

— Солорк...

— То, что тебе нужно взять на себя - это будущее. Ты станешь последним монархом прошлого правительства, который уведет эту страну от империализма к нации, управляемой народом. Они ещё маленькие дети, шатко стоящие на ногах, и не могут прийти к этому без твоей помощи. Ты поддержишь их со стороны, и останешься рядом до тех пор, пока они не станут достаточно независимыми, чтобы не полагаться на тебя. Это та роль, которую в действительно должна сыграть ты. В отличие от прошлой себя, которой внедрили идею о разрушении, новая ты будешь жить с людьми, движущимися по-новому. Ты обретёшь счастье с ними и продолжишь жить дальше... ведь это тот образ жизни, который ты сама хочешь.

Икта убежденно улыбнулся. Шамию что-то почувствовала в его отношении.

— Ты хочешь умереть?

Спросила девушка сухим голосом. Она протянула руку через решетку и погладила его лицо.

— Эти глаза, это лицо, этот рот... всё исчезнет через три дня?

Всё казалось таким нереальным. Она всегда думала, что именно она исчезнет. Она верила, что что бы ни случилось между ними, всё закончится её смертью, а он продолжит жить. Чтобы добиться этого, она не жалела усилий во всём, что делала.

— Верно. Я уже не увижу мир, который продолжит движение без меня.

Сказал Икта, позволяя её пальцам ласкать себя. Услышав это, Шамию почувствовала леденящий холод, пробегающий от самых пяток.

Она представила мир без него. Подумала о своей жизни после этого. Её мысли переместились в большую пустую спальню без её соседа по комнате и представили её неподвижно сидящее опустевшее я. Эта сцена была ужаснее любого ада, который она могла представить.

— Нет!

— Шамию?

— Нет! Я не хочу этого! Я не хочу, чтобы ты исчез! Ни за что!

Эмоции Шамию мгновенно скакнули от 0 до 100. Её руки, протянутые сквозь решётку, изо всех сил схватили парня за плечи. Глядя на лицо девушки, которая боялась потерять его, Икта спросил спокойным по контрасту тоном.

— Ты можешь сказать, почему ты не хочешь, чтобы я исчезал?

Девушка вздрогнула, услышав это. Она шевелила губами, ища причину оставить его в этом мире.

— Я-я потеряю собеседника. В моей спальне никого нет, и кто ещё послушает меня, когда я проснусь посреди ночи?

— Мда, серьёзная проблема... но мне кажется, что Баки с радостью тебе в этом поможет. Ей нравится физическая близость, и она сама возьмёт инициативу обниматься. Если почувствуешь себя одинокой, то смело приводи её к себе.

— О-она не подойдёт. Она совсем не нежная. Мы лишь как обычно закончим ссорой.

— Тогда попроси Харо. Уверен, тебе станет лучше, когда она погладит тебя по голове. Видя, как ты позволяешь ей себя баловать, она будет только рада, что ты полагаешься на неё.

— Х-харо? Но она совсем слаба в шахматах! Если я вдруг захочу помереться интеллектами, то она не сможет угнаться за мной.

— С этим вопросом обращайся к Мэттью или Торвэю. Недавно я играл с Мэттью, и он стал очень силён. Тебе лучше против него не расслабляться. Рекомендую тебе попробовать сыграть против него в следующий раз.

— Нет! Это всё не то!

Шамию занервничала, потому что ей не удавалось передать свои истинные чувства. Как ей сказать, чтобы он понял? Как ей выразиться, чтобы он осознал всё серьёзность и передумал? Хорошенько поразмышляв, она сказала.

— Т-твоё тепло исчезнет...

— А?

— Недавно я осознала, что, когда я рядом с тобой, область вокруг моей груди наполняется теплом, словно огонь в печи. Когда мы опираемся друг на друга, я чувствую себя так же комфортно, как когда греюсь на солнце. Если мы слишком долго обнимаемся, то я начинаю сильно нервничать... Твоё тепло... От Торвэя, Мэттью и Харо я его тоже ощущаю, но когда я рядом с тобой, оно жарче всего остального...

Сказала Шамию, положив руку на свою грудь. Когда она была рядом с ним, что же стало тем, что дало ей спасение? Поразмыслив над этим, она пришла к такому ответу. Даже не касаясь этого, она ощущала неопишное тепло, которое чувствовала. Услышав это, Икта мягко улыбнулся.

— Скажи... ты помнишь, что сказала ранее? Не забыла, чего у тебя не было, когда ты родилась во дворце или прибывала в Киоке?

Сказал он, кладя руку себе на грудь, точно так же, как это сделала Шамию, словно показывая ей то же тепло, которое он испытывает.

— Это оно. Ты уже знаешь, что это... Эти ощущения, температура и форма.

— ...

— Мне всегда казалось скучным об этом прямо говорить. Но на этот раз это будет бессмысленно, если я так не сделаю. Когда другая сторона испытывает то же самое, впервые на свет рождается это чувство. Самое главное – это предать свои эмоции словами. Это, пожалуй, лучшее доказательство, чтобы в будущем не сомневаться, что оно действительно было.

Сказав эти загадочные слова, Икта медленно подошёл к решетке. Всё тело девушки отражалось в его черных зрачках.

— Когда мы впервые встретились, ты была ребёнком. Но ты сильно выросла, Шамию. Могу я подойти ближе?

— Д-да...

Шамию никогда в этом не откажет, поэтому она позволила ему приблизиться к ней. Он прислонился лицом к краю решетки, а затем спросил ещё раз.

— Можешь подойти ближе? Как можно ближе к прутьям.

— Эм... хорошо. Так пойдёт... Ммм?

В тот момент, когда она наклонилась ближе, её губы сомкнулись.

Чуждое ощущение пронзило всё её тело. Раньше её целовали в других местах. Будь то щёки или лоб. Тогда она чувствовала сладкое онемение, которое грозило её растопить.

Но это было несравнимо ни с чем. Их губы просто соприкоснулись, но почему это было так потрясающе? Этот вопрос промелькнул у неё в голове, и она даже потеряла рассудок, чтобы найти ответ.

— ...

Ей хотелось замереть так навсегда. Причин думать иначе не было, ведь он был так близок к ней. Она даже не желала остановки времени, ведь время для неё уже остановилось. Она плыла и таила в этом тепле, а её сердце постепенно чем-то заполнялось.

— Ах...

Но этот миг всё же закончился. Встречи между смертными всегда заканчивались прощанием. Она плакала из-за причудливости всего этого. Икта снисходительно посмотрел в её дрожащие глаза, а затем сказал.

— Так целуются взрослые. Жаль, что он был лишь слегка интенсивным. Но это часть моих последних подарков.

— ...

Ошеломленная девушка приняла его слова. После этого Икта крепко обнял Шамию. На этот раз это был не поцелуй. Он прижал её голову к своему плечу и крепко обнял.

— Я скажу это только один раз. Я не буду повторяться, поэтому слушай внимательно.

Он посоветовал ей мысленно собраться, а затем прошептал ей на уши.

— Я люблю тебя Шамию.

— !

Шамию почувствовала, как что-то треснуло.

Что-то невидимое, сковывавшее девичью душу, в этот момент дало трещину.

Они долго обнимались. Они оба понимали, что, когда они перестанут теплиться в объятиях, их совместное время подойдёт к концу. Шамию обнимала Икту изо всех сил и не отпускала.

Но им было пора расставаться. Икта крепко сжал окоченевшее тело Шамию, как будто тоже не хотел отпускать, а затем расслабил хватку, отльнув от девушки.

— На этом наши пути расходятся. Больше я вас всех не увижу. Капитан Луканти... остальное оставляю на тебя. Оставайся рядом с Шамию вместе с Баки и Йоргом. И... не позволяй ей снова приходить сюда.

— Есть.

Девушка-рыцарь, ожидавшая на некотором расстоянии, приняла эту просьбу и энергично отдала честь. Затем она почтительно подняла девушку. Её движения не были резкими, но излучали твердую волю, не оставляющую места для переговоров.

— С-стой... п-подожди, Луканти! Солорк! Я... я ещё не...

Кричала Шамию, когда её выводили наружу. Она попыталась вырваться из хватки, но безуспешно. Фигура парня за решеткой постепенно сменялась стенами. Последнее, что она увидела на его лице – это нежная улыбка... и слёзы.

— Солорк!

Её крики эхом разносились по тюрьме. Пока она окончательно не покинула здание, её голос продолжал звучать в ушах парня.

— Итак...

После того, как время с Шамией подошло к концу, он провёл полдня в тишине. Собравшись, он встал с койки и подошёл к столу в углу камеры. Перед высококачественной бумагой и ручкой, он размышлял над тем, как выразиться.

— Чтобы написать?

— Икта... тебе ничего не нужно?

Спросил Кусу перед Иктой, который затруднялся с письмом. Парень поднял партнёра и положил его на стол, а затем хмыкнул.

— Так трудно собраться... после любовного то признания.

Подумав минут десять, он что-то да написал, но через час он смял бумагу и выбросил её.

— Аааааа... это не в моём стиле. Я уже закончил то, что мне нужно было сделать, поэтому остаётся лишь бездельничать сколько душе угодно.

Сказав это, Икта встал из-за стола и с Кусу подошёл к койке. Приняв лежачее положение, он положил своего партнёра себе на грудь.

— Давай поболтаем, Кусу. Я очень рад, что ты вернулся. Сам факт того, что есть с кем поговорить, так расслабляет.

— Я тоже рад быть с тобой... Но мне грустно. Моё время с тобой заканчивается.

Лицо Кусу выглядело подавленным. Икта улыбнулся ему.

— Когда меня не станет, тебе нужно будет найти другого партнёра. Какого человека тебе бы хотелось? Рассказывай давай, я готов всё записать.

— Спасибо, Икта, но в этот раз я так же буду плыть по течению, прямо как я познакомился с тобой. Мы, духи, не выбираем себе хозяев.

Услышав это, Икта подумал о жизни профессора Рикки и Сапуны, которых он видел в подземном сооружении. Если бы Кусу не нашёл его, когда Икта без сил оказался на улице, то он бы не выжил и не попал в приют. Когда он подумал об этом, Икта понял, что оказался одним из тех людей, которых спасла доброта, протянувшаяся через тысячи лет.

— Знаю. Ладно... в любом случае, ты остаёшься моим партнёром на следующие два дня. Может поиграем в слова? Мы так давно в это не играли.

Кусу кивнул. Они играли в эту игру с детства, чтобы убить время.

— Суп. Твоя очередь, Кусу.

— Повар. Твоя очередь, Икта.

— Редиска. Твоя очередь, Кусу.

— Апельсин. Твоя очередь, Икта.

Они продолжали в быстром ритме. Их игра в слова продолжалась до поздней ночи.

Солнечный свет в тот день был намного мягче, чем обычно.

После того, как он попрощался с Кусу и покинул камеру, его отправили в Собор. Палачи провели парня вдоль Столицы, дороги которых были заполнены людьми. Никто не бросал в него камней и яиц. Повсюду стояли солдаты, предотвращающие беспорядки. Парень был искренне благодарен за это, так как хотел, чтобы хотя бы в последние его день в него ничем не бросали.

Перед тем, как отправиться на место казни, он посетил Собор. По обычаю, людей, приговорённых к казни, приводят сюда, чтобы попросить прощения у Бога. Само собой Икта ему не молился. Вместо этого он выразил свою благодарность профессору Рикке и Сапуне, тем самым закончив здесь последнее дело. Он коснулся стены Собора в заранее определенном месте и искренне ещё раз их поблагодарил.

Через десять минут после окончания процедуры, он наконец достиг места, которое служило конечной точкой в его жизни.

Деревянные ступени вели к слегка приподнятой гильотинной платформе. Положение и форма лезвия были уникальными. Лезвие было прижато к пружине, которое накапливало потенциальную энергию. Чтобы освободить сжатую пружину, тянули веревку, и лезвие на большой скорости устремлялось к голове. По сравнению с обычной гильотиной, эта была намного скучнее. Однако парень, спроектировавший эту версию, тем самым упростил процедуру.

— Ммм... погода отличная. Так и должно быть.

Тихо сказал Икта, лежа на платформе. Голубое небо с облаками заполнило его взор, и ничто не загораживало ему вид. Благодаря конструкции подпружиненного лезвия, закрепленного сбоку, пространство над гильотиной было свободным. Этого и хотел парень.

Ожидавшая казни толпа удивилась его положению на гильотине, но Икта подмигнул им, как бы давая понять, что всё нормально. Небо было прямо над ним, так что лежать лицом вниз не было желания. Он сконструировал гильотину так, чтобы ноги можно было вытянуть, и чтобы он смог спокойно распластаться под голубым небом.

— Фух~

Лежа, он расслабился, и при желании, повернув голову, мог заметить толпу, которую уже не видел. Но он этого не сделал. Если он мельком увидит знакомые лица, то это нарушит его идиллию. Это был последний важный моменте в его жизни, но парень находился здесь, чтобы вздремнуть.

Спустя какое-то время палач сообщил ему, что подготовка завершена. Пружина была заряжена, и его могли обезглавить, потянув верёвку. Время казни было решено заранее, и часы были повешены так, чтобы человек, которого казнили, мог их видеть. Икта точно мог сказать, сколько ему осталось. Время от времени он зевал и тянулся, а между тем оставалось меньше минуты.

— ...

Он не собирался слишком много думать перед смертью. Большое обилие мыслей стало его основной причиной бессонницы в последние дни. Икта опустошил свой разум и спокойно посмотрел на небо. Облака медленно меняли форму по мере того, как плыли, и птицы пролетали мимо них. Парень улыбнулся. Небо было таким же, как всегда.

Менее десяти секунд до казни.

Он перестал смотреть на часы и медленно закрыл глаза. Он ощущал комфортное чувство сонливости. Улыбка не слезала с его уст. Это было предзнаменованием отличного сна.

С щелчком в воздухе послышался характерный звук. Сразу после этого он почувствовал сильный удар и ощущение невесомости. Его затылок ударило что-то тяжёлое. Однако это уже не имело значения. Это должно было случиться, чтобы войти в мир грёз.

И вот... в этих краях он помчался за девушкой с красными волосами, которая ждалась его.

<http://tl.rulate.ru/book/3196/977872>